

Ольга Арнольд

АГНЕССА

и собака на телевидении

Ольга Арнольд

Агнесса и собака на телевидении

«Автор»

2023

Арнольд О.

Агнесса и собака на телевидении / О. Арнольд — «Автор», 2023

Третий роман с главной героиней Агнессой. На этот раз Агнесса, у которой на телевидении собственная программа, натывается в одном из помещений телецентра на тело знаменитой на всю страну ведущей. Убийство расследуют оперативники с Петровки и сотрудники детективного агентства "Ксант", где работает муж Агнессы. Под подозрением находятся все сотрудники небольшой телекомпании "Прикосновение", в том числе и сама Агнесса. Но одним убийством дело не ограничивается, происходят покушение на Агнессу и другие таинственные смерти. О том, кто за всем этим стоит, мы узнаем в самом конце повествования.

© Арнольд О., 2023

© Автор, 2023

Ольга Арнольд

Агнесса и собака на телевидении

+

Действие этого детектива происходит на рубеже веков, когда люди еще смотрели телевизор и курили всюду, где хотели. Тогда же он и был написан. Все персонажи данной книги придуманы целиком фантазией автора, их сходство с кем-либо из реальных людей может быть только кажущимся – и, насколько мне известно, в здании телецентра никогда не случилось убийств, так что события эти тоже происходили только в моей голове...

Основные персонажи:

Сотрудники телекомпании "Прикосновение":

Агнесса Ивлева, ведущая

Евгения Павловна Котова, ведущая

Тамара Петровна Синякова, продюсер

Толь Толич Крашенинников, режиссер

Степан Кочетков, второй режиссер

Олег Варзин, оператор

Георгий Павлович Андреев, оператор, «Мэтр».

Виталий Попов, звукорежиссер

Виктор Алексеевич, осветитель

Елена Горячева, редактор

Оксана Верховцева, помощник режиссера

Таисия Никифорова, девочка на побегушках

Майк, мальчик на побегушках

Сотрудники охранно-детективного агентства "Ксант":

Марк Крутиков, муж Агнессы

Сергей Крутиков, старший брат Марка, вице-президент агентства

Николай, сыщик

А также:

капитан Филонов, из МУРа,

Глеб Овчинников, муж Евгении Котовой,

Гарий Улитин, продюсер,

Настена, поп-звездочка,

Кристина, бывшая наркоманка,

Глаша, английский кокер-спаниель,

и другие .

ог

1. Собака находит труп

В тот выходной день я отправилась на работу вместе с Глашенькой, моей английской кокер-спаниелькой, и за те полтора часа, что я добиралась от Ясенева, куда мы с мужем переехали совсем недавно, до телецентра в Останкино, я совсем извелась. Из-за мартовской слякоти по пути образовалось множество пробок. Ах, сколько раз, когда на очередном светофоре Глафира энергично принималась меня вылизывать, я клялась, что никуда больше с ней не

поеду! По крайней мере, за рулем моего старенького опеля. Но в тот знаменательный день моя золотистая собачка сидела рядом со мной по служебной необходимости.

Дело в том, что она должна была служить элементом фона в моем интервью с модной рыжеволосой певицей, которая всеми правдами и неправдами (больше, конечно, неправдами) рвалась к популярности. Я сама, конечно, никогда бы не выбрала ее в собеседницы, но спонсоров не выбирают – так, по крайней мере, выразилась Тамара Синякова, наш продюсер, когда познакомила меня с ее менеджером.

Тогда и решено было, что на диване рядом с Настенной будет сидеть это мое золотистое очарование, прибавляя тем самым имиджу поп-звездочки человечности и теплоты, а когда той нечего будет сказать (а я не сомневалась, что мои вопросы поставят ее в тупик, потому что хотя приставка "поп" Настене очень шла, все, что было выше этой части тела, а особенно головка, у нее было не столь развито), Глаша будет своим лаем заполнять паузу. Увы, через несколько часов Глаше было суждено сыграть другую, более драматичную роль, но тогда об этом еще никто не догадывался.

Когда мы добрались наконец до телецентра, было уже поздно, и я не сомневалась, что получу от Тамары нагоняй, а от Евгении Котовой, нашей формальной руководительницы – строгий выговор. Впрочем, мне на это было наплевать, лишь бы успеть загримироваться и, главное, проверить, насколько готовы к выступлению перед телекамерами мои сегодняшние собеседницы! Но первая задержка произошла прямо в холле телецентра, более пустынным, чем обычно – все-таки была суббота. Охранник, проверив мое удостоверение, вдруг заступил дорогу Глаше, и та от неожиданности громко и зло на него загавкала – как типичная старая дева, она терпеть не могла агрессивных мужчин. Мы с ней немедленно оказались в центре всеобщего внимания.

– А где пропуск на собаку? – спросил цербер тоном старого служаки.

– Мы в дог-шоу, у меня встреча с Михаилом Ширвиндтом, – не моргнув глазом, соврала я и двинулась на дюжего молодца грудью, подтягивая к себе злобно оскалившуюся Глашу. Для тех, кто не знает, сообщаю, что наибольшее число укушенных собаками людей пострадало не от каких-нибудь там ротвейлеров или кавказских овчарок, а от этих милейших игрушечных созданий. Но охранник, возможно, был знаком со статистикой, потому что он смешался, попятился и слегка отодвинулся в сторону со словами:

– Ну раз вы в дог-шоу...

Не знал он, что дог-шоу снимается в одном из павильонов бывшей ВДНХ, а нынешней ВВЦ (впрочем, кажется, это опять ВДНХ)! Я подхватила Глашу на руки и ринулась в ближайший лифт, потом, добравшись до нужного мне четвертого этажа, помчалась по коридорам, волоча ее за собой на поводке. В правильном ли направлении я бегу? – стучало у меня в голове. Наконец, пробежав мимо примерно тридцати, не менее, дверей, и повернув раз пять, я наткнулась на помощника режиссера Оксану Верховцеву – вернее, чуть не сбила ее с ног.

– Наконец-то, – воскликнула та и сильно дернула меня за руку, так что я изменила направление движения и по инерции влетела в первую же раскрытую дверь, которая оказалась гримерной. От неожиданности я выпустила из рук поводок, и Глаша, обретя свободу, помчалась вперед по коридору.

– Быстрее! – распорядилась Оксана, подталкивая ко мне испуганного мальчика в халатике и с расческой в руках, – Через пятнадцать минут она уже должна быть перед камерой! Вернее, она должна была быть там полчаса назад!

– Оксана, ты что-то перепутала! – наконец сумела вставить я, все еще не отдышавшись после пробега. – Это как раз съемка должна начаться еще через полчаса! Мне сегодня с утра звонила Тайка Никифорова – она сказала, что студия у нас с 16.30.

– Она не могла этого сказать, потому что еще вчера все знали, что съемка начинается в полчетвертого, – безапелляционным тоном заявила Оксана и скомандовала визажисту:

– Теней не надо, общий тон, обвести губы контуром – и вперед!

Тут где-то вдаль раздался залиvistый, басистый, такой знакомый мне лай.

– Приведите же кто-нибудь собаку! – обратилась я в пустоту, молясь про себя, чтобы именно Тая, младший помощник ассистента и очень противная девка, побежала за ней и оказалась покусанной – я не сомневалась, что Глаша за себя и за меня постоит.

До знакомства с Таисией я и не представляла, что внешность может так соответствовать внутренней сущности человека. Ей было лет девятнадцать, и была она некрасива какой-то подростковой девичьей некрасивостью: костлявая, вся состоящая из острых локтей, коленок и углов, востроносая, с остреньким подбородком и таким же колючим взглядом; двигалась она тоже некрасиво, резко, в ее походке не было и намека на женскую мягкость и плавность. Ходила она обычно в длинной бордовой шерстяной кофте с капюшоном, которая не прибавляла ей обаяния.

Когда я пришла работать на телевидение, то прекрасно представляла себе, что там царит бардак. Но какой именно бардак, я поняла только тогда, когда непосредственно с ним столкнулась. Однако в общий, присущий тут всему хаос властно вмешивались дополнительные разрушительные мотивы, и общий беспорядок усугублялся братоубийственными интригами. Причем чем меньше телекомпания, тем больше в ней было интриг, а объединение "Прикосновение", в котором я подвизалась на поприще ведущей собственной программы, было совсем маломощной фирмой, поэтому шаг в ее стенах (то есть в арендованных студиях) было трудно ступить без опаски, что под тобою провалится пол. Собственно говоря, со мной уже такое однажды случилось – и во время прямого эфира! А Таисия, несмотря на молодость, плела сети интриг так искусно, как будто училась у пауков.

Но Глашу нашла, увы, не она – собаку поймал и привел ко мне оператор Олег Варзин, приятный молодой человек, которого я не могла ни в чем обвинить, и к тому же красивый блондин, а потому я была очень рада, что его руки остались целы и невредимы – новых врагов в этих стенах мне наживать не хотелось, и так неприятелей у меня было здесь предостаточно. Интересно, Тайка решила меня дезинформировать сама или ее кто-то надоумил?

Но выяснять это сейчас было некогда – Оксана принесла мне темно-коричневый костюм в примерку. Мой строгий наряд должен был контрастировать с чуть ли не карнавальным обликом певички. Я переделалась у всех на глазах; правда, этим «всем» на это было напевать, а мне – в самой высокой степени. После этого помреж чуть ли не силком поволокла меня в студию, а мальчик-гример мелкими шажками семенил за нами, что-то подправляя на ходу. Перед самой священной дверью нам пришлось снизить темп, дабы не поломать ноги о какие-то валявшиеся посреди паркета железные трубы. Экономят, сволочи, на освещении, подумала я мимоходом – лампочки в коридоре горели тускло, как в карманном фонарике. Наконец, чихая – если бы вы знали, какая тут царит пыль! – я добралась до своего места на подиуме и только тут разглядела, что передо мной сидит не поп-дива, а приятная, слегка испуганная женщина, давно разменявшая пятый десяток, которая была записана в моем кондуите на сегодня как собеседница номер три.

– А где же Настена? – в недоумении захлопала я ресницами.

– Не моргай, а то тебе тушь на щеки сыплется, – услышала я низкий прокуранный голос продюсерши и увидела перед своим лицом ее руку с носовым платком; она тщательно протерла мне нижнее веко. – Теперь все в порядке. А Настена и ее агент еще не сообразовали явиться, но с дороги сообщили, что едут.

Если бы я могла себе позволить, я бы скрипнула зубами от досады, но я этого сделать не могла, дабы помада не попала на мои недавно выбеленные у стоматолога зубы. Вместо этого я вздохнула и спросила своим обычным голосом:

– А где укротительница гепардов, номер два?

– Лежит дома с тяжелым гриппом. Но ты не волнуйся, студийное время не пропадет, Женя отснимет две свои программы.

Только этого мне не хватало! Я уже не сомневалась, что и телефонный звонок Таисии, и опоздание Настены, и даже грипп укротительницы гепардов – все это происки Евгении Котовой, в одном лице художественного руководителя студии, директора программ и основной ведущей. Если бы это было в ее власти, она не только бы вырезала бы меня отовсюду и лишила эфира, но и уничтожила бы физически!

Не думать сейчас об этом, иначе ты провалишь передачу! И я силком отогнала от себя образ ненавистной Женки и улыбнулась милой даме, сидевшей в кресле передо мною:

– Ирина Васильевна? Можно я буду называть вас просто Ирина?

И получив ее согласие, завела разговор вроде бы на совсем посторонние темы, даже рассказала ей полуприличный анекдот, так что она натянуто улыбнулась. Мне эта натянутость была вовсе ни к чему, а потому я заговорила о детях – я знала, что у нее недавно родился внук – и Ирина растаяла, на щеках у нее появились ямочки, а глаза потеряли настороженный блеск. Наконец-то! Когда перед тобой сидит человек, много раз появлявшийся на телеэкране, то он обычно легко может отрешиться от камеры, но тот, кто не избалован вниманием телевидения, неизбежно зажат. Раскрепостить собеседника – одна из основных задач ведущего (во всяком случае, я так считаю). Теперь можно было начинать съемку, но, когда установили наконец свет, я поняла, что что-то не в порядке.

– Готова? – донесся откуда-то из темноты до меня голос режиссера Толь Толича.

– Нет, подожди... Тая! Оксана! Срочно сюда!

Но и Тая, и Оксана куда-то исчезли, а вместо нее через секунду рядом со мной была грузная Тамара, которая, несмотря на толщину, очень ловко и быстро передвигавшаяся по студии. Она относилась к тем редким женщинам, которым полнота ничуть не мешает и их не портит. Это именно она вместе с подросшей вскоре Оксаной подкрасила серебристой тушью для волос простую прическу Ирины там, где из-под благородной седины пробивалась вульгарная исходная желтизна – на телевидении надо уметь делать все. Объявившаяся же наконец Тая была послана за моей сумкой, из которой я извлекла старинную черную кружевную шаль моей бабушки; ее задрапировали на плечах Ирины так, чтобы большая дырка оказалась на спине. Я строго-настрого запретила использовать заднюю камеру. Если эта камера снимет всего-навсего один кадр, то можно не сомневаться, что он попадет в окончательно смонтированный вариант передачи, никто этой дырки вовремя не заметит, а потом позора не оберешься. У бардака тоже есть свои законы – законы наибольшей пакости.

Теперь можно было начинать. Мы остались с Ириной один на один перед глазками телекамер. Начало прошло неплохо, но тут, пока она говорила, я опустила глаза, чтобы проверить кое-что по рабочему конспекту – и обомлела. Перед съемкой я бегло просматривала записи, подготовленные редактором Леной Горячевой и распечатанные ею самым крупным шрифтом – я слегка близорука, в очках смотрю на экране плохо, а в линзах сниматься тоже не могу, поскольку от яркого света юпитеров у меня слезятся глаза. Но вместо знакомого конспекта в папочке, что я держала в руках, находился черновик беседы с Настеной, причем написанный от руки и бисерным почерком Лены, так что я не могла ничего разобрать! Конечно, это не прямой эфир, в любой момент я могла прервать съемку, заставить помощников найти нужные записи и потом продолжить работу, но время было дорого, а Ирина – не профессионал, она захлопнется, и после паузы ее уже не раскрутишь. Сейчас я интуитивно нащупала ту ниточку, дернув за которую, я помогла ей раскрыться. Собственно говоря, за это меня и ценили как ведущую, на этом и держался и даже рос рейтинг моих передач – я умею дать почувствовать собеседнику, что он мне интересен и симпатичен, и он расцветает на глазах и забывает про камеру. Недавно в одном журнальчике, малоизвестном даже в профессиональных кругах, про меня была напечатана статья, в которой утверждалось, что я не только сама восходящая звезда телевидения

ния, но могу сделать звездными до того совершенно неизвестные лица! Кстати, в отличие от многих популярных ведущих я предпочитаю брать в герои своих ток-шоу людей по первому впечатлению обыкновенных, до того неизвестных широкой публике, как бы из толпы. Нет, я не могла позволить Ирине зажаться и испортить программу! И, полагаясь на память, я продолжала диалог:

– Расскажите пожалуйста, как вы познакомились с мужем.

Ирина молодо зарумянилась, вспоминая, и мне захотелось, чтобы камера передала эту легкую краску на щеках:

– Это было в бассейне Москва. Он работал там спасателем, а я плавала по абонементу раз в неделю. Мы поженились через три дня после первой встречи...

Я немного отвлеклась, сохраняя на лице выражение полного внимания. Я уже знала эту незамысловатую историю. Казалось бы, чего в ней романтического? Но послушайте конец:

– И вот ровно через тридцать лет, день в день, мы пришли с Леней на то же самое место. Только теперь вместо бассейна там уже высился Храм Христа Спасителя, и мы заказали благодарственную службу.

А дальше по моей просьбе Ирина взяла в руки гитару и стала петь. Она исполняла испанские романсы – и притом практически профессионально, прекрасным высоким голосом. Вот где пригодилась шаль моей бабушки! Ирина окончательно раскрепостилась, она пела, забыв о камере, а я откинулась и тоже расслабилась – это было уже завершение. Я уложилась в срок, и внешне все обошлось без накладок.

Потом, как всегда, кутерьма, шум, всеобщие разговоры... Тая сняла с Ирины микрофон, и мы с ней простились. Я немедленно отправилась на поиски Настены и моей собаки. И ту и другую я обнаружила в раздевалке, которая была закреплена за нами на эту съемку и куда кто-то успел отнести мои вещи.

Ярко-рыжая Настена кормила почти такую же рыжую Глашу шоколадными конфетами! Я похолодела, хотела вмешаться, но вовремя себя остановила. Тебе с ней работать! Когда менеджер певицы, молодой мужчина слегка азиатской наружности, чем-то похожий на покойного певца Виктора Цоя, нас знакомил, в комнату ворвалась Тамара и радостно объявила:

– У Жени уже началась съемка, так что Настена должна быть готова примерно через час.

Я с трудом сохранила улыбку на лице – наверное, это была весьма бледная улыбка. У Настены же лицо вытянулось:

– Ну как же так, у нас в семь вечера прослушивание...

Ее агент, менеджер и, по некоторым слухам, любовник (по другим слухам, любовник ее бывшего мужа) пытался ее успокоить:

– Но, Асенька, мы же сами с тобой опоздали...

Но я уже не слушала их и набросилась на продюсера:

– Кто заменил сценарный план в моей папке? Кто велел Тая сообщить мне, что съемка начнется на час позже?

– Я не могу отменить эту встречу! Мы с Гариком уходим! – раскапризничалась Настена.

– Ежели ты опаздываешь, то нечего обвинять в этом других, – сипела Тамара, отвечая нам обеим одновременно.

Какое-то время все говорили разом, но тут не выдержала Глаша и вмешалась; ее лай нас отрезвил. Тамара схватилась за сигарету, мы встретились с нею глазами и молчаливо условились отложить выяснение отношений на поздний вечер, когда работа будет завершена. Поручив Глашу заботам Оксаны, я повела сопротивляющуюся Настену гримироваться. Пока наш визажист колдовал над ней, я попыталась кое-что с ней отретировать, однако это оказалось бесполезно, и я внутренне дрогнула: куколка оказалась точно такой пустоголовой, какую я и ожидала встретить. Заставить ее произнести что-то хоть малость интеллектуальное – напрасный труд... Вздохнув, я пошла в студию посмотреть, как идут дела у Котовой. Спрятавшись в

пыльных кулисах и стараясь не чихнуть, я наблюдала за тем, как она, очевидно любуясь собой, вышагивала царственной походкой по подиуму, почти не обращая внимания на главных действующих лиц своего ток-шоу.

Царственной? Ее верный поклонник, второй режиссер Степан Кочетков как-то назвал ее если не царицей, то царевной телевидения. Ну как же, «Лицо первого канала» – но это все в прошлом. Как слепы бывают влюбленные! Следя за тем, как она ступает, гулко топяя ногами в туфлях на платформе, придававших дополнительную полноту ее и так не слишком изящным щиколоткам, я решила про себя, что если она и похожа на какую-нибудь царевну, то лишь на царевну Софью – своей тяжеловесностью. И чем кончила царевна Софья, знают все, кто проходил русскую историю...

В любом случае, Котова студию освобождать в ближайшее время не собиралась, и у меня образовалось окно; я могла собраться с мыслями и немного передохнуть. По счастью, мы уже не раз пользовались одной и той же гардеробной, и мне был знаком ее секрет. Вернувшись в эту пустую сейчас комнату, длинную и узкую, как кишка, я открыла почти незаметную дверь в самом ее дальнем конце – и оказалась в маленьком тесном помещении, раздевалке для избранных – так называемой "комнате отдыха". Кроме трех деревянных, то есть фанерных, шкафчиков, точно таких же, как и в общей раздевалке, но с замками, и висевшего на стене большого потемневшего зеркала, тут стояло большое кожаное кресло – древнее, потрепанное, но, как ни странно, очень удобное. Забравшись в него с ногами, я закрыла глаза и расслабилась, выкинув из головы все, что меня беспокоило, даже забыв на время про Глашу. К тому моменту, как нас с Настенной пригласят в студию, я буду в самой лучшей форме.

Мой полусон-полутранс прервал телефонный звонок – это надрылся мобильный у меня в сумочке. Странности связи – повсюду на четвертом этаже сотовые молчали, а в этой каморке работали. Я взглянула на свои часики – было точно без четверти семь. Что случилось с моим мужем – по нему в последнее время можно было проверять часы! Кстати, я отдыхала дольше, чем рассчитывала...

– Привет, Аньес, – услышала я родной голос.

Только Марк меня так называет, и то только тогда, когда он в хорошем настроении или на него нападет приступ нежности. Он звонил из Швеции, где был в командировке, и мы говорили друг другу общие слова – что соскучились, что погода и там и там премерзкая... Не говорить же по телефону о любви, право слово – тем более с мужем, бок-о-бок с которым прожит не один год. Но он был в тот день необычайно краток:

– Целую, тут полная горница людей, некогда трепаться...

Судя по звукам, раздававшимся в горнице, она была очень похожа на бар или ресторан. Но чего можно ожидать от мужчины, в течение двух недель лишнего облагораживающего женского влияния? Впрочем, мне тоже было некогда трепаться. Хорошо хоть не надо переодеваться, с исполнительницей испанских романсов я должна была беседовать в другом наряде, но все смешалось в доме Облонских...

Одна из привилегий ведущей – это то, что обычно перед съемкой ей приносят чашку черного кофе, но сегодня этой привилегии я была лишена. Что ж, на Тайку надежды не было никакой, Оксана была занята моей собакой, и я сама решила спуститься вниз, в буфет, за дозой моего наркотика. Хоть убейте, не могу работать без кофеина!

Я вышла из каморки не через гардеробную, а через запасную дверь, которая открывалась прямо в коридор и которая обычно бывала заперта, но сегодня оказалась открытой. По дороге я заглянула в общую раздевалку; там никого не было, даже Глаши. Пока я шла к лифту, то заметила в полутьме коридора Тамару с ненавистной Тайкой, выходявших из студии, и подетски спряталась от них за выступом стены, чтобы они меня не заловили и не утащили с собой – наверняка программа Котовой шла к концу и подходила наконец моя очередь. Спустившись вниз на цокольный этаж и отыскав там работающий буфет, я быстро проглотила два двойных

кофе и поспешила наверх – и вовремя! Настену под чутким руководством Тамары уже усадили на диван, который притащили из соседней студии, и красиво задрапировали длинный зеленый подол ее платья – так, чтобы одна из ее действительно стройных ножек четко вырисовывалась под полупрозрачным материалом.

– Агнесса, куда ты запропастилась? – обратилась ко мне редактор Лена Горячева, которую я сегодня еще не видела. – Никто из нас не может справиться с твоей чертовой собакой!

Глаша забилась в дальний угол; очевидно, ее напугала обычная студийная суматоха и свет юпитеров. Она показывала зубы, обещая дорого продать свою жизнь, и насильно извлечь ее из-за проводов и какой-то рухляди было невозможно, о чем свидетельствовала кровь на руке второго режиссера, Степана Кочеткова. Это был человеком со странностями; невысокий, сутулый, с какой-то ободранной бородкой – словом, внешне неказистый, беззаветно и безответно влюбленный в Котову, он просто по определению не мог не ненавидеть меня, ее соперницу, и сейчас у него был вид такой, как будто он готов был задушить собственными руками если не меня самое, то хотя бы мою собаку. Я выманила перепуганную псинку из ее убежища, поцеловала в носик, утешила и с помощью печенья усадила рядом с Настеной; они вдвоем действительно смотрелись великолепно, причем расчесанные спаниели уши повторяли контуры рыжей гривы певицы. Можно было начинать – тем более что я проверила свою папку и убедилась в том, что у меня в руках был тот самый сценарный план, который нужен. Но не тут-то было! Казалось, все неприятности, которые только могли только произойти, случились в ближайшие четверть часа.

Сначала все шло вроде бы гладко: Настена старалась улыбаться не слишком глупо, а блестящий ход, придуманный Оксаной – она надела на ее смазливую мордашку немодные, в толстой оправе, очки – оправдал себя: певичка стала немного походить на студентку-первокурсницу. Честно говоря, сперва я никак не могла сообразить, зачем ей нужна моя программа, которая шла отнюдь не в прайм-тайм – ей отводилось дневное время по будням, хоть и на одном из центральных каналов "1+1", так что смотрели ее в основном домохозяйки – однако Гарик объяснил нам, что пришла пора расширять ее аудиторию, которую до этого составляла одна молодежь, и домохозяйки для этого тоже годились. Ток-шоу катилось, хоть и со скрипом, по намеченному сценарию, когда меня прервал голос звукорежиссера:

– Стоп! Звук не идет.

Пришлось начинать все сначала и, конечно же, получилось хуже. Однако на этот раз что-то произошло со светом... Внутренне закипая, я в третий раз пошла по накатанному пути, однако теперь моя собеседница выглядела какой-то деревянной... Проследив за направлением ее взгляда, я обнаружила, что Глаша, разлегшаяся на диване, как маленький сфинкс, передними лапами подтянула к себе подол Настениной юбки и стала его жевать. Съемку остановили, Глашу пристыдили, и она, как будто осознав свою вину, кинулась вылизывать Настену. Я схватила ее на руки, но было уже поздно – грим надо было накладывать заново, Настена блестела, как свежевылупившийся младенец! Я готова была застонать от досады, особенно когда выяснилось, что Миша, наш сегодняшний гример, уже ушел. Совместными усилиями Тамара, у которой, по-моему, уже дрожали руки, и Оксана кое-как привели Настенину физиономию в порядок, пока я усиленно пудрила нос и красила губы – любимой хозяйке тоже, конечно, досталось от Глашиного язычка. Пока мы снова усаживались, я краем глаза заметила, как Оксана, сжимая голову руками, качается на стуле – то ли от отчаяния, то ли, скорее всего, от еле сдерживаемого смеха. Когда наконец все было готово и мы начали уже в четвертый раз, то нам удалось дойти только до второго вопроса – в этот момент с грохотом взорвалась лампа, и нас на подиуме засыпало осколками; впрочем, никакого ущерба они не причинили, кроме морального. Истерический Глашин лай смешался с истерическим Настениным смехом, и кроме этого было слышно только, как громко и смачно ругается матом осветитель, уже немолодой и весьма благообразный мужчина. Я поняла, что все катится в тартарары, что это полный провал и что

необходимо сделать перерыв. Очевидно, та же самая мысль пришла в голову и Тамаре, потому что она своим прокуренным низким голосом зычно объявила:

– Перерыв!

– Ой, не могу! – Настена согнулась пополам от смеха, не в силах успокоиться, и была похожа в этот момент на смешливую старшеклассницу.

Я посмотрела на часы – 19.30. Студию надо было освобождать ровно в восемь. Если мы за десять минут не приведем себя и студию в порядок, то сделать программу сегодня не удастся, а это такой удар по финансам компании, которого Котова мне не простит. Что ж, остается только положиться на Бога и продюсера... И, внутренне смирившись, я отправилась на поиски своей собаки.

Сразу же после взрыва Глаша подскочила и понеслась куда-то прятаться. Сейчас вся команда, кроме продолжавшего грозно и грязно ругаться осветителя, развлекалась тем, что пыталась ее найти. Наконец Оксана, заглянув за старые декорации, сваленные у задней стенки, торжествующе воскликнула:

– Она здесь! Глаша, Глашенька, иди ко мне!

Она была не такая дура, наша Оксана, чтобы протягивать руки прямо к оскаленной собачьей морде, но таким дураком оказался звукорежиссер Виталик, плечистый парень атлетического вида. Ему повезло, клыки только скользнули по его предплечью, и держался он стойко, как и подобает мужчине, только чертыхнулся вслух. Я не успела еще подбежать к живописной группе, как Глаша вырвалась на свободу и, выскользнув в дверь, побежала по коридору в неизвестность. Съёмочная группа с улюлюканием бросилась вслед за ней, но тут я их остановила:

– Ребята, если вы не хотите гоняться за собакой по всем этажам, то оставайтесь здесь. Она добровольно пойдет только со мной.

Я вышла из студии и закрыла за собой дверь, оставив за спиной свет и смех. Куда же она направилась? Бедная девочка – в какой она, должно быть, панике, ведь даже праздничные петарды выводят из равновесия ее слабую нервную систему! В замешательстве я раздумывала, в какую сторону мне направиться, как вдруг услышала приглушенный лай, который доносился откуда-то слева и из глубины здания. Я тут же рысцой понеслась туда, но вновь слышна была только гулкая тишина, и я несколько раз сбивалась с пути, пока совсем рядом со мной не раздалось приглушенное рычание. Дверь следующей комнаты была распахнута настежь; это была кладовка, в которой хранился разный реквизит. Здесь было почти совсем темно, свет проникал сюда только из коридора. Первое, что я смогла разглядеть – это силуэт моей собаки со вставшей дыбом на загривке шерстью. Потом я рассмотрела тот предмет, на который она приглушенно рычала. Это было тело Евгении Котовой, безжизненно раскинувшееся на каких-то полотнищах или коврах, сваленных на полу. Лицо ее казалось совсем бледным, почти белым в полумраке, только блестели белки закатившихся глаз.

II. Детективное агентство «Ксант» берется за дело

– А твоя новая секретарша отлично варит кофе, – заметила я, потягивая обжигающий напиток из крошечной чашечки. Я никак не могла согреться, меня всю трясло, несмотря на то, что в небольшом офисе моего деверя – то есть брата моего мужа – стояла комнатная температура.

– Не заговаривай мне зубы, Агнесса, – сморщившись, произнес скучным тоном Сергей Крутиков, вице-президент охранно-детективного агентства "Ксант", моя единственная опора и надежда в данный момент. – Давай ближе к делу.

Хорошо ему говорить – ближе к делу! Ближе к телу! Это ведь я, а не он обнаружила труп популярной телеведущей, это ведь я вчера до позднего вечера – вернее, сегодня до раннего утра – объяснялась с милицией.

Когда я, шаря по стене наугад, зажгла в кладовке свет, то поняла, что мое первое впечатление было верным – ничто не могло уже вернуть жизнь в безжизненные глаза Евгении. Поясок от светло-бежевого бесформенного костюма, в котором она была на последней съемке, перетянул ее шею, уродливо врезаюсь в отливавшую синевой кожу. Смерть не была милостива к звезде телеэкрана, она выглядела отнюдь не как невинно убиенные дивы в мыльных операх: юбка задралась, светлые колготки на некрасиво, даже непристойно, раскинутых ногах разодраны...

– Похоже это было на изнасилование? – прервал ход моих мыслей Сергей. Я и не заметила, что размышляла вслух.

– Нет, такое было впечатление, что она сопротивлялась; убийца хотел опрокинуть ее назад, а она пыталась устоять на ногах. А колготки разорваны не сверху, а сбоку, как будто она, падая, за что-то зацепилась. Ну, например, за какой-нибудь выступающий гвоздик. Там, кстати, было много старой мебели. Так что ее не изнасиловали, ее просто убили.

– А почему ты так расстроилась? Ты же эту Котову терпеть не могла, – неожиданно спросил он.

Я подскочила:

– То есть как это? Как же мне не расстраиваться, когда я не только нашла труп – это бы еще полбеды, но я еще и главная подозреваемая!

– Ну, не преувеличивай, – уголок рта у Сергея слегка дрогнул, что должно было обозначать улыбку. – Это дело милиции – подозревать всех. На убийцу ты никак не тянешь.

– Все знают, что я с радостью бы заняла Женино место – уж она-то это прекрасно понимала и травила меня как могла. Да к тому же, если принять к сведению, что у нее нашли...

– А что у нее нашли? Ты мне еще не рассказала.

– У нее в руке были зажаты листки бумаги – это был сценарный план моей передачи, которая снималась в тот день. Его, кстати у меня украли перед самой съемкой.

– Кому ты рассказала, что он у тебя пропал?

– Всем!!! Я устроила публичный скандал Тамаре Синяковой, нашему продюсеру.

– Перед съемкой?

– После нее.

– И программа получилась?

– Конечно. Если бы что-нибудь не вышло, я бы не стала ждать, прервала съемку и устроила бы вселенский хай.

– Так кто ж поверит, что у тебя пропал конспект, если тебе это не помешало успешно провести интервью?

– Спасибо, Сережа, ты всегда улучшаешь мне настроение.

– Агнесса, ты совершенно напрасно так нервничаешь. Почему ты думаешь, что ты единственная, у кого была причина избавиться от Котовой? И вообще, давай сопоставим то, что мы с тобой знаем о жертве, – и Сергей взял со стола распечатку и стал читать:

"Котова Евгения Павловна, 1952 года рождения..."

– Подожди. Ты уверен, что 52-го?

– Я, честно говоря, думал, что она моложе... – неуверенно произнес он.

– Моложе? Какие вы, мужчины, наивные! Я думала, что она еще старше... Но продолжай.

– А женщины зато злые. Или только ты? Ну ладно, слушай дальше: "Старшая дочь режиссера Павла Анатольевича Котова, народного артиста СССР, лауреата Государственной премии. Закончила факультет журналистики, после чего работала репортером на радио, а затем перешла на государственное телевидение, в отдел информации. С 1989 года была ведущей программы "Время" на первом канале. После августа 1991 года некоторое время была не у дел, потом вела свое ток-шоу на одном из дециметровых каналов. С 1994 года – ведущая собственной информационной программы на канале "1+1", а с 1995 – организатор и совладе-

лица телекомпании "Благовест", которая просуществовала до 1996 года. После этого вместе с Тамарой Синяковой организовала телекомпанию "Прикосновение". Одновременно состояла в штате столичного телеканала "1+1". Брат, Анатолий Котов, работает в Министерстве печати и информации в ранге начальника отдела. Младшая сестра Майя – актриса. Котова трижды была замужем. Ранний студенческий брак с Георгием Вайнштейном распался через год. В двадцать два года вышла замуж за Марата Александрова, журналиста-международника, от него у нее дочь Елена, которая в настоящее время учится в США и вышла замуж за американского гражданина. В 1992 году развелась и сразу же после развода зарегистрировала брак с Глебом Овчинниковым, театральным режиссером, учеником ее отца. Детей от этого брака нет. Лауреат премии "Тэффи"...

– Слушай, Сергей, давай я тебе лучше расскажу о том, что ты не знаешь, что твои сотрудники не смогли бы отыскать ни в одном досье, ни в одном компьютере. Евгения была бездарной ведущей, но воображала, что она гениальна и что ее обожают зрители. На самом деле ее держали на канале главным образом из-за ее связей, из-за отца и брата. В последнее время – а может, и не только в последнее, я тут не владею информацией – у нее были серьезные трения с продюсером, Синяковой, причем они касались не только творческих вещей, но и финансовых моментов, и рабочих – некоторые ценные сотрудники из-за Котовой уходили из телекомпании, а некоторых она выставляла за порог сама. И тем не менее, надо отдать ей должное, у нее есть целый клан обожателей, и ее передачи набирают рейтинг, очень неплохой для дневного времени. Я до сих пор не могу понять, почему телезрители, а вместе с ними и рекламодатели, не раскусили, что ее шоу не стоят и выеденного яйца и что она фальшива насквозь....

– Стоп, Агнесса! Попробуй сказать о ней что-нибудь хорошее!

– Ах да – о мертвых или ничего, или хорошо... Я и говорю – определенная часть публики почему-то ее любит. Более того, она нравится некоторым мужчинам. Второй режиссер Кочетков, например, готов пойти за нее в огонь и в воду... Вернее, был готов – до вчерашнего дня.

– Знаешь, я могу тебе объяснить, почему так происходит. Ты относишься к тем людям, у которых особый нюх на фальшь – ты ее видишь повсюду и остро ее ненавидишь. Единственный человек, которому ты иногда спускаешь неискренность – это Марк, и это верный признак того, что ты его любишь.

Я широко раскрыла глаза. Мне и в голову не могло прийти, что из того факта, что я прощаю мужу некоторые... ну, скажем так – погрешности поведения, его брат сделает такие далеко идущие выводы. Впрочем, детектив должен быть в какой-то степени психологом.

– Я тут просматривал запись одной из последних передач Котовой, – продолжал Сергей, не обращая внимания на мою реакцию. – и вполне могу тебя понять. Да, она неважная актриса, во главу угла она всегда ставила себя, стремилась быть в центре внимания, но ведь это и делает ее телевизионной личностью, разве нет? Она неплохо смотрится... то есть, смотрелась, конечно – не красавица, но умела себя подать, владела интонацией, жестом. Голос у нее был хорошо поставленный, дикторский. Она играла умную, современную, эмансипированную женщину, и зрителям неискушенным казалось, что это так и есть. Ведь не все обладают такой тонкостью восприятия, как ты. К тому же ты профессионал и во многом оценивала ее с точки зрения профессионала. Ну, разумеется, и с точки зрения женщины, которой соперница то и дело подставляла ножку...

– Да, я профессионал, – не выдержала я; Сергей все-таки сумел меня разозлить. – Но профессионал не в том, что ты имеешь в виду. На телевидении я без году неделю. Однако, если ты помнишь, у меня есть еще и психологическое образование. Так вот, я со знанием дела утверждаю, что Котова была истеричкой – типичной истерической психопаткой.

Собственно говоря, именно из-за того, что Котова устроила однажды прямо в Останкино истерику, я и попала в свое время на телевидение. Ну, и из-за типичной для него неразберихи. А дело было так. В то время у меня не было постоянной работы, и я вспомнила свою

первую специальность – когда-то я была переводчицей. Меня попросили сопровождать делегацию французских литераторов, прибывших в столицу по приглашению какого-то творческого союза, и я с радостью согласилась – терпеть не могу сидеть без дела. Среди прочих мероприятий французы должны были участвовать в ток-шоу Котовой, и так мы оказались на телецентре. Нас встретили, провели в студию, напоили кофе, несколько раз прибежала Тамара Синякова – тогда я с ней, кстати, и познакомилась – но главного действующего лица все не было видно. Французы нервничали, уже не скрываясь, смотрели на часы; русские участники ток-шоу, ко всему привычные, терпеливо ждали.

Из случайно подслушанных разговоров съемочной группы – впрочем, никто особенно и не понижал голос – я узнала, что Котова на месте, но не в форме. Оказывается, предыдущая съемка сорвалась по вине одного известного писателя, который в самый последний момент сообщил, что не может приехать, и с Евгенией случилась самая настоящая истерика. Говорят, она выла в голос. Когда выть она наконец перестала, голос у нее сел, глаза превратились в щелочки, закрытые с двух сторон подушечками вспухших век, и она никак не могла унять дрожь; эти подробности сообщила мне помощник режиссера, у которой, видно, был зуб на ведущую. Показаться на людях, а тем более перед камерой, в таком виде было невозможно. Синякова попросила меня сказать нашим гостям, что съемка задерживается по техническим причинам, и занять их чем-нибудь, клятвенно пообещав, что ждать нам осталось недолго.

Хорошо ей было говорить: занять французов – а чем? И тогда я попросила у редактора сценарный план и громко заявила, что мы будем репетировать. Совершенно естественно, что я взяла на себя роль ведущей. В отличие от Котовой, я-то в этот день была в форме, к тому же надо мной ничего не довлело, а то, что оператор стал снимать нас по собственной инициативе, я сначала даже и не заметила. Кстати, этот оператор, Александр Рожков, вскоре пал жертвой гнева Евгении Павловны, не простившей ему проявленной инициативы; впрочем, он ушел на НТВ и оказался в выигрыше. Только когда Синякова попросила меня повторить некоторые эпизоды, я поняла, что происходит, но камера меня не смутила – повторяю, я в тот день была в форме. В общем, ток-шоу состоялось без Котовой, французы ушли немного смущенные – ах, эти непонятные русские! – но довольные. А через несколько дней мне позвонила Синякова и пригласила зайти к ней в офис.

Она показала мне уже смонтированную передачу со мной в главной роли и тут же предложила попробоваться на должность постоянной ведущей нового женского ток-шоу. Передача и я в ней мне не понравились, но терять мне было нечего, и я согласилась – я, повторяю, в то время была вольной птичкой. Так уже через неделю я работала над концепцией своей собственной программы, а еще через месяц начались съемки.

То, что наша примадонна была от моего появления отнюдь не в восторге, было ясно с самого начала, и она выставила бы меня за порог тотчас же, но еще одна случайность помогла мне закрепиться на студии. Побывав в командировке в Африке, Котова подхватила какую-то нашу заразу, заболела и надолго выбыла из строя, а потому ей нечего было возразить Синяковой, которая отвечала за финансы компании. Естественно, телекомпания должна снимать, иначе она тут же разорится, и Жене пришлось смириться с тем, что хоть она и звезда, но незаменимых на телевидении нет. К тому времени, как она встала на ноги, у меня уже было собственное шоу, и Котова меня стала доставать не прямо, а окольными путями. Она, конечно же, надеялась меня выжить из компании, но я тем не менее выжила.

Я пережила, когда у меня украли мастер-кассету (то есть кассету с окончательно смонтированной передачей) и мне самой пришлось монтировать все заново – и заодно учиться монтажу. Я пережила, когда три мои совершенно готовые программы вылетели из эфира безо всяких объяснений. Я пережила, когда мою фамилию "забыли" вставить в титры. Я пережила, но устроила дикий скандал, когда увидела фамилию Котовой впереди моей как автора сценария... Украденный конспект – это такая мелочь!

Наверное, выжить мне помогло то, что я не цеплялась за телевидение. Мне было интересно, но я в любой момент готова была уйти, и для меня это не стало бы трагедией. В конце концов, кем я только не была за свою жизнь: и переводчиком, и редактором, и референтом, и консультантом-психологом, и собственным бизнесом недолгое время занималась, хоть и неудачно, – так что сменить еще раз поле деятельности для меня не составило бы труда. Тем более что, как я не раз громогласно заявляла в присутствии новых коллег, я "в первую очередь мужняя жена". Однажды я произнесла это даже в эфире, интервьюируя некую заклയാтую феминистку, после чего получила массу возмущенных откликов. Почему-то всех это страшно бесит, но это правда – мне не нужна такая карьера, которая разрушит мою семейную жизнь, для меня гораздо более важную. Впрочем, телевизионщики, и особенно телевизионные женщины, не просто относились ко мне свысока и презирали, как дилетантку – в глубине души они мне завидовали. Потому что эти два слова – "мужняя жена" – означали не только мой семейный статус и мои приоритеты, но гораздо большее. Это значило, что в любой момент я могу уйти, не думая о деньгах, что мне не надо сидеть ночами ради нищенской подработки, что я не завишу от гонораров... Все это очень быстро пронеслось у меня в голове, и я поделилась своими мыслями с Сергеем:

– Вообще-то непонятно, почему убили именно Евгению, а не меня. Думаю, что меня ненавидели не меньше, чем ее – во всяком случае, если судить по количеству мелких пакостей, которые мне устраивали. Я вела себя вызывающе, я мгновенно, не прилагая для этого никаких усилий и не работая на телевидении ни дня, пробилась в эфир, я не получила ни журналистского, ни актерского образования и тем не менее сразу стала ведущей, в то время как другие работают ради этого годами, из кожи вон лезут, а ничего не получается...

– Да, выскочек обычно не любят, – согласился со мной Сергей. – К тому же у тебя жесткий характер, несмотря на внешнюю мягкость, и тебя трудно съесть, хотя на первый взгляд кажется, что это легко. Для того, чтобы от тебя избавиться, пришлось бы прибегнуть к кардинальным мерам. Поэтому не волнуйся, Агнесса – у тебя все еще впереди.

– Утешил!

– А если серьезно – то все это очень серьезно, и пока мы не будем знать, кто и почему убил Котову, веди себя осторожнее, не высовывайся.

– Значит, ты за это дело берешься?

Он пожал плечами:

– Боюсь, у меня нет другого выхода. Невестка у меня все-таки одна. Конечно, жаль, что она все время натывается на трупы, но что тут поделаешь? Хотя, по статистике, на одну тебя трупов все-таки многовато... *1)

– Ну, знаешь, если посчитать, сколько убийств произошло в маленьком английском провинциальном местечке Сент-Мери Мид вокруг одной-единственной старой девы, то у меня еще все впереди. *2) Кстати, в раскрытии этого преступления больше всего должна быть заинтересована наш продюсер, Тамара Синякова, но вряд ли у нее сейчас есть деньги, чтобы нанять твоих сыщиков, так что, боюсь, я введу тебя в убыток.

– Что ж, мне не привыкать. Кстати, в опербригаде из МУРа, которая занимается этим делом, у нас есть прекрасные контакты. Это отличные ребята, но им не повезло – ты же понимаешь, какое на них оказывается давление. Евгения Котова, на их несчастье, была человеком очень известным. А ее отец – фигура не просто известная, но и очень влиятельная.

– Чем я могу тебе помочь?

– Тем, что не будешь вмешиваться в расследование и самостоятельно ловить убийцу на живца, то есть на себя. Но если ты так хочешь что-нибудь сделать – а, зная твою натуру, я в этом не сомневаюсь – то ты можешь составить для меня два списка: первый – тех людей, которым выгодно была смерть Котовой, и второй – тех, кто вчера был в здании и имел возможность

ее задушить. Кстати, имей в виду, убийцей могла быть и женщина; чтобы задушить человека матерчатым поясом, много сил не требуется.

– Слушаюсь, товарищ начальник.

Когда я уже уходила и Сергей, как всегда вежливый, подавал мне пальто, он как бы невзначай заметил:

– Мне звонил Марк и заявил, что тут же вылетает в Москву, но я ему ответил, что если он вернется, не завершив порученного ему дела, то может считать себя уволенным. Конечно, я поступил круто, но, надеюсь, ты не возражаешь?

Я не возражала, я, наоборот, была благодарна Сергею, который так хорошо меня понимал. Мой муж уже несколько лет работал в "Ксанте" у старшего брата, занимаясь в основном черной бухгалтерией – он выяснял, куда уходят капиталы и каким образом они отмываются, и поэтому ему нередко приходилось ездить за рубеж, докапываясь до истинных фактов и встречаясь с нужными людьми. К банальной уголовщине он никогда никакого отношения не имел, да, впрочем, и детективное агентство давно отказалось от таких дел, делая исключение в основном ради меня – ну и, конечно, ради очень богатеньких Буратино, которые не стесняются выложить крупную сумму зелененькими. Марк, при всех его достоинствах, не любит эмансипированных женщин. В идеале, по его мнению, жена должна сидеть дома, а уж если она не может не работать, то пусть она это делает в четырех стенах. Он, хоть и отрицает это, ревнив, он ревниво относился ко всем моим предыдущим занятиям, но, как ни странно, с одобрением воспринял мою работу на телевидении. Может быть, ему нравилось, что его жену узнают на улице; может быть, он понимал, что мне необходимо чем-то основательно себя занять, пока он в командировках – не знаю. Но это было до первых серьезных неприятностей. Теперь он будет настаивать на том, чтобы я все бросила и вообще не выходила бы из квартиры, покуда преступление не раскроют – и как я ни соскучилась по мужу, как ни дорога мне была его моральная поддержка, я все-таки предпочитала подождать, пока он немного остынет.

А пока слава богу, что его нет в Москве – он помешает мне совать нос в не свое дело, то есть искать убийцу. Чем я хуже мисс Джейн Марпл?

III. *Теле-паноптикум в лицах*

Похороны состоялись через три дня. День был мерзопакостный, снежная крупа падала на нас с небес и слегка присыпала черную склизкую грязь под ногами. Дрожа от холода в своем модном чересчур тонком пальто, которое я так нерасчетливо с утра надела, я радовалась про себя, что пришла поздно и не была на отпевании в церкви, а то, чем черт не шутит, вскоре пришлось бы хоронить еще одну телеведущую, скончавшуюся от смертельной простуды. Мы все, съемочная группа, жались в хвосте похоронной процессии, которую возглавляли члены семьи и руководители телеканалов, и чувствовали себя бедными родственниками, которых допустили на церемонию из приличия. Сергей, который привез меня на это загородное, очень престижное кладбище, почувствовав, как я дрожу, обнял меня одной рукой и прижал к себе; к тому же так ему было удобнее меня расспрашивать.

– Котова-старшего я знаю, – шептал он мне на ухо, – его младшую дочь тоже видел в кино. А кто эта полная дама в смешной шляпке, что стоит по его левую руку?

– Это как раз Тамара Синякова, наш продюсер.

– А что это за красавец в русском стиле, с бородкой? Брат или муж?

Я пристально взгляделась в высокого, очень молодо выглядевшего мужчину, который как раз сейчас принимал соболезнования с пристойной миной на лице. Действительно красавец – и к тому же истинный образец скорбящего мужа! Достойный ученик своего тестя, который держался далеко не столь выдержанно; несчастье согнуло этого человека, которого все присутствовавшие знали в лицо, настолько часто он мелькал на телеэкране – он был близок к силь-

ным мира сего. Младшая сестра покойной была красива, но в лице ее не было значительности – зато ощущение собственной значимости было запечатлено, как приросшая маска, на неподвижном лице их брата, министерского чиновника. Если последний и действующий муж Котовой срочно прилетел из Питера, где он ставил пьесу в Новом театре на Фонтанке, перед самой премьерой, которая должна была теперь состояться без него, то ее дочь так и не приехала из своей Америки; остальные родственники, видимо испуганные присутствием важных персон, держались немного в стороне. Было много цветов, венков и речей. Не отнимая платка от носа – у меня уже начинался насморк – я огляделась. Порядок устанавливали спортивные молодые люди в штатском, среди которых я узнала двоих из тех, кто нас допрашивал – очевидно, опера смешались с охранниками, чтобы наблюдать и вычислять преступника, как это полагается в детективных романах. Поодаль я узрела еще одно знакомое лицо – это был Николай, сотрудник "Ксанта", бывший следователь с Петровки.

Большинство телевизионщиков на поминки не поехало – да, собственно говоря, нас и не приглашали. Я вернулась в Останкино и, так и не снимая пальто, долго бродила по коридорам, пытаюсь отогреться – и телесно и душевно.

Телецентр – это целый многоярусный город, коридоры – его улицы, а дома – это служебные помещения и студии. Причем городишко этот, скорее всего, средневековый, потому что улицы узки, извилисты и изгибаются под невозможными в природе углами, а нумерацией домов занимался какой-то затейник, поэтому рядом с комнатой номер 27 вполне может находиться комната номер 63, а у студий номера вообще совсем другие, и это далеко еще не предел абсурда. Кстати, все основные студии расположены на втором этаже, а та, которую обычно арендовала наша телекомпания, запасная, – на четвертом, и она была значительно хуже, вентиляция там практически не работала.

Посторонний человек, попавший на телецентр, мгновенно теряется и может плутать здесь часами и даже днями – как герой Семена Фарады фильме "Чародеи", который тут снимался. Что греха таить, первые дни моего пребывания в новой должности были отмечены блужданиями по этим коридорам и совершенно одинаковым лестницам, похожим друг на друга, как близнецы. Никакая память, кроме памяти тела, тут не годилась – надо было именно телом, ногами и всем корпусом, выучить направление движения к своим студиям и офисам: десять шагов прямо, крутой – очень крутой – поворот налево, тринадцать шагов вперед, потом нырнуть за лестницу, в боковое ответвление, там еще тридцать четыре шага... Наблюдая, как люди шныряют по коридору туда-сюда, я дивилась этому людскому муравейнику, где каждая отдельная особь повиновалась исключительно инстинктам. Хорошенько подумав и вспомнив, как ориентируются охотники в девственном лесу, я проложила для себя несколько тропинок, отмеченных зарубками: к буфету в подвале, к дамскому туалету, к гримерке и так далее. В качестве зарубок на стенах я использовала мазки лака – обыкновенного ярко-алого лака для ногтей. Через месяц примерно я стала перемещаться по зданию без подсказок, но и сейчас некоторые мои отметины выделяются на давно некрашеных стенах; вот и теперь, заметив красное пятнышко на выступе рядом с лестничной клеткой, я улыбнулась.

Да, убить Котову мог только свой, тот, кто прекрасно ориентируется в этих лабиринтах, тот, кто не раз и не два бывал в этих стенах. Если бы сюда забрались профессиональные киллеры, они бы уже через полчаса сдались и спрашивали дорогу – впрочем, профессиональные киллеры не убивают пояском от костюма, тем более что Котова вполне могла оказаться в тот день и в другом наряде, без пояса. Причем убийца должен был знать месторасположение комнат и студий гораздо лучше, чем я – я, например, не имела представления о том, что рядом с дамским туалетом, через две двери, находится реквизиторская – та самая, роковая для Жени.

Следствие так и не выяснило, была ли ее дверь не заперта по небрежности или у убийцы был ключ. Зато точно был известен тот временной интервал, когда телезвезда рассталась с жизнью – без пятнадцати семь ее ток-шоу завершилось, и свидетели видели, как она направля-

лась в сторону дамского туалета. Я, вернее, моя собака, обнаружила ее тело в 19.30, но умерла она, по заключению судебных медиков, раньше – не позже, чем в пятнадцать минут восьмого. Так что я была и оставалась одной из главных подозреваемых: никто не видел меня с того момента, как я ушла расслабляться в комнату отдыха, до моего вторичного появления в студии. Буфетчица, которая меня обслуживала в тот вечер конечно, меня вспомнила, но сказать, когда именно это было, она не смогла – я слишком часто пила у нее кофе.

Впрочем, меня сейчас это не слишком волновало – не только у меня, у многих сотрудников нашей съемочной группы не было на тот час алиби. Но был ли убийца кем-то из наших – или кто-то другой, имеющий отношение к телевидению, проник в здание, чтобы незаметно разделаться с Котовой? В тот день, субботу, народу в телецентре было мало, намного меньше, чем всегда, тем не менее всех сотрудников, которые по постоянным пропускам проходили на работу, установить было невозможно. А были еще временные пропуска, списки и дополнительные списки, которые как раз в данный момент изучали в МУРе.

Нет, если думать о том, кто имел теоретическую возможность покончить с Котовой, надо будет перебрать всех телевизионщиков страны. Но кто имел мотив для убийства? Кроме меня, конечно. И тут меня осенила блестящая идея: надо поговорить с Валентиной Черниковой, редактором, которая вместе со мной делала мои первые ток-шоу, а потом ушла с телевидения, хлопнув дверью. Насовсем, как она сказала. И сдала, кстати пропуск. Уж она-то поварились в этой кухне гораздо дольше, чем я, и должна знать о многих подводных камнях и течениях, на которые я еще не успела наткнуться.

Мы с ней остались в прекрасных отношениях, только редко виделись, то есть вообще после ее ухода не виделись: некогда. Обычная московская беда. Я позвонила ей и застала ее дома, где она отсиживалась с легкой простудой. Через полчаса я была уже в ее малогабаритной квартире недалеко от центра, где она жила с малолетним сыном, котом и компьютером. Мы выгнали ребенка в комнату делать уроки, а кота – ему мешать, и уселись пить кофе на кухне. Валя выглядела хорошо, гораздо лучше, чем когда она работала у нас. Теперь она редактировала новый журнал, который находился в стадии раскрутки; впрочем, она была полна надежд:

– Понимаешь, я его создаю, я пишу для него статьи, это мое детище. И, между прочим, всюду стоит моя фамилия. В отличие от телевидения, где все, что ты делаешь, как бы уходит в общий котел.

– Я знаю, что Котова присваивала твои сценарии и даже не считала нужным упоминать твою фамилию. Ведь ты ушла из-за нее, не так ли?

– Не только, не только... Хотя оплакивать ее не собираюсь. Но на самом деле я бы не ушла, если бы Тамара, которую я считала своей подругой, хотя бы раз встала на мою защиту. Но она этого не сделала, она предпочитала не портить отношения с Котовой. Кстати, она мне много раз с тех пор звонила, просила вернуться. И вчера тоже. Но я не вернусь. У меня теперь свое дело, которое никто себе не припишет. И за мою работу мне платят деньги – пусть небольшие, но регулярно. Мне надоело месяцами сидеть на гречневой каше, а потом наконец получать свои гонорары, причем гораздо меньшие, чем то, на что я рассчитывала. Кстати, у меня растет мальчик, и его надо кормить мясом. Мя-сом. И кота, между прочим, тоже – он у меня отказывается есть кашу. И рыбу, хоть она и дорогая.

Да, конечно, потеря Валентины – это был ощутимый удар для компании. Валентина сочетала в себе качества, казалось бы, несовместимые: умение и желание работать, и, главное, дар слова. Увы, у пишущей братии это чаще всего бывает порознь.

– Почему Тамара тебя не защищала, она же тебя ценила и ценит? Неужели она так зависела от Котовой? Почему Котова вообще имела в компании такую власть – насколько я знаю, она не вложила в нее ни копейки?

– Связи, Агнесса, связи. А насчет денег – она приводила спонсоров, богатых новых русских. Чего греха таить, хоть основная обязанность продюсеров – добывание денег, но Тамара с

этим справлялась плохо. Она человек творческий; не раз она спасала передачи, которые преданные Котовой бездари губили на корню. Но, как ты знаешь, без денег сейчас и шагу не ступишь. И, насколько я понимаю, был один тайный инвестор, которому "Прикосновение" много чем было обязано. Его привела Котова.

– А почему тайный?

– Я могу об этом только догадываться. Судя по всему, это один из поклонников нашей Евгении, очень богатый и, очевидно, женатый. Возможно, он как-то связан с политикой и потому, в свете последних скандалов, больше всего боялся засветиться. Вполне вероятно, что деньги эти нечистые. Но факт остается фактом – в начале прошлого года этот таинственный меценат спас "Прикосновение" от банкротства. Так что ты понимаешь, кто там заказывал музыку.

– Что значит – поклонник? Это любовник?

– Не знаю. Вообще-то я не интересовалась любовной жизнью Котовой. Честно говоря, мне казалось, что ее больше интересует платоническое обожание, нежели реальные страсти. Например, ни для кого секрет, как к ней относился несчастный Степа – и как он ее подавал на экране! Он же ее лепил!

– А почему он несчастный?

– Ну посмотри на него – он же убогий! Что он будет делать теперь, когда его кумира нет в живых?

– Ты хорошо знала мужа Котовой?

– Нет. Глеба я видела только несколько раз. Но, честно говоря, мне казалось, что в этом браке больше расчета, чем чувств: она – очень престижная невеста с еще более престижным и могущественным отцом, он – молодой, красивый и подающий большие надежды. Но об их семейной жизни я ничего не знаю.

– Валя, как ты считаешь, кто мог убить Женю?

Она допила свой кофе, аккуратно поставила чашечку на блюдце, закурила, глубоко затаилась и только после этого ответила.

– Не знаю. Ее многие не любили, но разве это повод, чтобы убивать? Если бы речь шла о больших деньгах, тогда было бы понятно... Но откуда они, большие деньги? Я, во всяком случае, о них ничего не слышала. Но, с другой стороны, она столько людей зажимала, не давала им ходу, что кто-то из неудачников вполне мог пойти на крайний шаг – из ревности, из отчаяния... Понимаешь, на телевидении полно таких людей – с амбициями, с комплексами, которые не могут себя реализовать и винят в этом всех окружающих, кого угодно, но только не себя самих. Они озлоблены – и кто знает, на что они способны? Знаешь, когда хоронили Листьева, одна пожилая дикторша, еще из той плеяды, которую знал весь Советский Союз, сказала мне, что удивлена, что Влада застрелили на пороге его дома, а не во втором его родном доме – на телевидении, – и, раздавив недокурную сигарету о блюдечко, она вытащила из пачки другую и тут же ее зажгла.

Больше я от Валентины ничего выведать не смогла. Как жалко, что люди, которым есть чем себя занять, не переносят слухов!

Впрочем, в ближайшее время мне было не до сплетен. На следующее утро Тамара нас всех собрала. Она выглядела не мрачно, а скорее торжественно, и рядом с ней сидел седовласый благообразный мужчина, Павел Васильевич Плавунков, в прошлом юрист, а ныне один из руководителей нашего телеканала "1+1". Он выступил первым; суть его речи сводилось к тому, что королева умерла, но шоу продолжается. Во всяком случае, контракт с "Прикосновением" был заключен на полгода, до первого июля, и если мы каким-то образом не заполним образовавшийся вакуум, то все окажутся в сложном положении...

Я незаметно наблюдала за присутствующими, не забывая ни на секунду, что среди нас, скорее всего, присутствует убийца. На Кочеткова страшно было глядеть – он так съежился,

что казался чуть ли не горбуном. Сидевший рядом с ним Олег Варзин казался по контрасту просто голливудским красавцем; он смотрел прямо перед собой, и на его лице прочесть было ничего невозможно. Он не пропадет, даже если наша фирма исчезнет с лица земли; насколько я знала, он уже вел переговоры с другой телекомпанией, но Синякова чуть ли не на коленях умолила его остаться. К тому же у него было стопроцентное алиби на время убийства: вместе со звукорежиссером Виталиком Поповым, осветителем Виктором Алексеичем, чью фамилию я так и не удосужилась узнать, и вторым оператором Георгием Павловичем Андреевым, не выходили из студии между съемками, постоянно были друг у друга на виду и даже в туалет не отлучались. Георгий Павлович работал в Прикосновении, делая личное одолжение Тамаре. Он был признанным мэтром, его так часто и называли – Мэтр. ион бы упал в обморок, если бы узнал, что хотя бы в мыслях я осмелилась назвать его вторым). Сейчас он и осветитель, оба намного старше всех остальных членов команды, кроме, наверное, Синяковой, но разве можно говорить о возрасте женщины с такой кипучей энергией? – сидели в углу и шушукались; физиономии у обоих были недовольные.

Режиссер же Крашенинников, которого все называли исключительно Толь Толичем, сидел рядом со своим близким другом Виталиком перед импровизированным президиумом, пощипывая негустую бородку. Они оба с видимым энтузиазмом воспринимали каждое слово. Режиссер и звукорежиссер были людьми Синяковой, они были преданы ей и, судя по всему, смерть Котовой их не слишком огорчила – я бы сказала, что они этому радовались, если б это не звучало так цинично. Надо сказать, что у Тамары был нюх на людей даровитых, и ни того, ни другого никак нельзя было отнести к категории злобных неудачников, по терминологии Вали Черниковой. Нет, это были профессионалы, не остановившиеся в своем росте, и наша маленькая студия была для них одним из этапов; мне нравилось работать с ними – они любили свою работу, а не себя в ней. В отличие от многих других, которые считали себя мастерами с большой буквы, а всех остальных – подмастерьями.

Как, например, монтажер Света Гречихина, которая попортила мне в свое время много крови. Она не любила Толь Толича, не любила меня и все время пыталась внести в окончательный вариант передачи что-то свое без согласования с нами. Полная темноволосая женщина лет тридцати пяти, она была бы даже миловидной, если бы не застывшая на ее круглой физиономии высокомерная мина и презрительно оттопыренная нижняя губа. Вот и сейчас она сидела с таким видом, как будто ее заставляют выслушивать чушь, когда у нее так много работы. Собственно говоря, у нас были и другие монтажеры, но Света меня интересовала сейчас потому, что физически имела возможность убить Котову – она единственная в тот день сидела в монтажной на нашем этаже и доводила до ума одну из старых программ. Впрочем, подозревать ее в совершении преступления было просто смешотворно – Котову она презирала не больше других, а может, даже немного уважала, потому что та никогда не заходила в монтажную и не вмешивалась в ее работу, считая это ниже своего достоинства, так что ругалась Света с режиссерами, а не с ней.

Гречихина вообще держалась особняком и, если до мужчин из съемочной группы она еще кое-как снисходила, то женщин предпочитала не замечать. Кроме, конечно, Тайки, которую не заметить было невозможно, так как она мешала жить абсолютно всем. Она числилась в телекомпании младшим администратором; ее держали только потому, что она приходилась Тамаре племянницей, приехала откуда-то то ли из Оренбурга, то ли из Первоуральска и жила у нее дома. Отъявленная бездельница, она лодырничала как-то зло, так, что от этого страдали другие. Из-за ее "забывчивости" запросто могла сорваться съемка. Порою казалось, что ей по-настоящему доставляет удовольствие делать маленькие гадости, даже если из-за них тетка ругала ее нехорошими словами. Впрочем, слова пролетали у нее мимо ушей, а на большее Тамару не хватало. Однако Котовой Тая побаивалась и старалась не попадаться ей на пути – только Котова могла бы заставить Синякову вышвырнуть ее вон, и та, хоть и играла в придур-

коватость, это хорошо понимала. У этой противной девицы и не было алиби, но я видела ее между съемками, да и вообще мне было трудно представить ее в роли убийцы – скорее уж она сама пала бы жертвой праведного гнева любого из моих коллег.

Кроме Таисии, в телекомпании работали еще две девушки из провинции: помреж Оксана Верховцева и редактор Лена Горячева, но это был совсем другой уровень. Им обеим было где-то в районе тридцати, обе окончили хоть и провинциальные, но университеты, и обе приехали в Москву в одиночку, полные амбиций и решимости завоевать столицу. Они даже чем-то были похожи, хотя бы внешней канвой своей жизни, но на самом деле были полной противоположностью друг другу.

Оксана, природная блондинка со слегка вьющимися волосами, сидела сейчас в первом ряду, скрестив ноги, едва прикрытые короткой юбочкой, и строила глазки телевизионному начальству. Она была в данный момент в разводе и искала одновременно и объект для развлечения и отвлечения, и чего-то, то есть кого-то, более надежного – мужчину, благодаря которому она смогла бы не ездить каждый день на электричке в Москву из пригорода. Эта прирожденная манипуляторша овладела в совершенстве искусством и легкого флирта, и беспардонной лести, и я не сомневалась в том, что очень скоро у нее появится богатый муж – параллельно с богатой любовной жизнью. Что же касается мужчин вообще, то в них недостатка у нее никогда не было, но наши парни ее побаивались: пообщавшись с нею поближе, легко было понять, что она опасна, что она использует тебя и выбросит, как пустую упаковку. Если Оксана до сих пор не пробилась в эфир, то только потому, что ей не повезло со внешностью: ее лицо с тонкими чертами, которое в жизни казалось точеным и одухотворенным, совершенно терялось на экране; я бы охарактеризовала ее как абсолютно нетелегеничную. Она тоже была бездельницей, но бездельницей скрытой, всегда имитировавшей бурную деятельность; занятия она находила себе самые приятные. Ну, например, исполнять роль бэби... то есть догги-ситтера при моей собаке было не слишком хлопотно – особенно для любительницы животных, каковой она себя считала. Надо отдать ей должное – Оксана умела уговорить кого угодно сделать чего угодно. Например, она часто выручала нас, улещивая тех потенциальных участников ток-шоу, которым предварительно нахамила Тая и которые по этому поводу отказывались прийти на съемку. И еще у нее было одно несомненное достоинство – неистощимый оптимизм, которым она легко заражала окружающих.

Лена же была совсем другой. Искусствовед по образованию, она уже появлялась на экране, но где-то у себя на родине, кажется, в Саратове. В Москве она не просто пробивала себе дорогу в жизни, но еще и училась в аспирантуре. По слухам, она была любовницей богатого человека, во всяком случае, ее не раз подвозили к телецентру на дорогой "БМВ" последней модели. Одета она всегда была хорошо, но строго, в классическом стиле, темные волосы гладко зачесаны назад и собраны в тугий узел на затылке. Лицо у нее тоже было строгое, с почти классическими чертами, и благодаря этой суровости она, почти красавица, не казалась ни привлекательной, ни миловидной – наоборот, ее внешность скорее отталкивала, чем влекла, она как бы создавала вокруг себя ощущение холода. Пробовать ее на роль ведущей никому бы и в голову не пришло – так она всегда была зажата, и если в обычной жизни с общением у нее проблем вроде бы не было, то на экране даже в роли простого репортера она выглядела скованной. Однако редактором она была неплохим, хотя, конечно, во многом уступала Валентине, да и опыта у нее было меньше. Последние полгода она трудилась на два фронта, и на мое шоу и на Женино, и, как это было в обычае Котовой, та все время вычеркивала ее фамилию из титров и разве что не пинала ее ногами. Да, у Лены, несомненно, были причины сильно не любить нашу теледиву. Но достаточно ли этого для убийства? В субботу она пришла на работу очень поздно, никто ее не видел до самого начала последней съемки, и хотя она утверждала, что только-только успела подъехать к телецентру к четверти восьмого, потому что у нее поздно

кончились занятия по французскому языку и по дороге она попала в пробку, проверить это было невозможно. Или мне это так тогда казалось.

Что же касается Оксаны, то она заверяла, что весь перерыв между съемками она провела с моей собакой в гардеробной. Я, знала, что это неправда, но промолчала; когда я выходила из комнаты отдыха примерно без десяти семь, там не было ни той, ни другой. Но я не сказала я об этом ни следователю из МУРа, ни Сергею, решив при случае прижать Оксану к стенке самостоятельно. Конечно, я нарушала инструкции Крутикова-старшего, но не видела я Оксану в роли убийцы, не видела – и все. У нее не было видимых причин конфликтовать с Котовой, но главное, она умела добиваться своего самыми простыми и экономными средствами, зачем ей убивать? Но почему Оксана соврала? Куда она выходила, причем не одна, а с Глашей, которой, надо сказать, она понравилась? Глашину чутью на людей я всегда доверяла. Но почему моя собака вдруг помчалась в кладовку – может быть, она уже знала эту дорогу? Да, это было непонятно, моя единственная зацепка на данный момент. Что ж, теперь мне хоть было ясно, откуда плясать.

И пока я была занята всеми этими размышлениями, заседание закончилось; кажется, почти все, о чем говорило начальство, прошло мимо меня, я не запомнила ни слова. Однако смысл до меня дошел – нас пока не закрывали, но надо работать, работать и работать, несмотря на все, что нам мешает. Подразумевалось, что мешает нам нераскрытое убийство, из-за которого нас всех постоянно дергали и будут еще дергать. Что ж, будем работать... И, попутно собирать информацию.

IV. Влияние бальзаковского возраста на телевизионный процесс

И мы работали. Синякова договорилась, что она сделает в ближайшее время, буквально за два дня, передачу, посвященную памяти народной любимицы Жени Котовой – сделает ее сама, и сама ее будет вести; потом каждую неделю пойдут повторы программ убитой телеведущей. А затем их место в сетке займут мои ток-шоу – во всяком случае, до тех пор, пока не будет готова совершенно новая программа, концепция которой до того вяло разрабатывалась в "Прикосновении" и которую решили резко форсировать. Пока неизвестно было, кто будет ее вести, но я заметила, что и у Оксаны, и у Лены заблестели глаза – надеяться ведь не запретишь! Да, смерть Котовой, безусловно, была выгодна многим, она раскрепощала и развязывала крылышки. В том числе и мне, конечно.

Телекомпания "Прикосновение" делала разные передачи, но по большей части специализировалась на программах для женщин. Когда я, сама того не подозревая, успешно выступила в роли ведущей, Синякова предложила мне вести ток-шоу, предназначенные исключительно для женской аудитории. Она мечтала создать программу, которая смогла бы конкурировать с "Я сама" Юлии Миньшовой. Однако автором проекта, который мы громко и многообещающе назвали "Когда женщина счастлива", фактически была я одна. Я не ставила перед собой никаких так называемых "социально значимых задач" – для кого они, скажите мне, значимы? – меня гораздо больше интересовала частная жизнь во всех ее проявлениях. Но при этом мне всегда была противна желтая пресса и скандальная хроника, телепередачи, в которых большие и малые кумиры публики якобы раскрывают перед пускающей слюни аудиторией душу, рассказывают самое сокровенное, а на самом деле стирают на глазах у всех свое грязное белье и делятся постельными тайнами. Конечно, такие программы набирают порою сумасшедший рейтинг, но я всегда считала, что массовая культура должна быть хоть мало-мальски культурной. Хотя жизнь упорно и методично делала из меня циника, в глубине души я все равно оставалась идеалисткой. И если я не собиралась нести в народ доброе и вечное, то сеять грязное и пошлое мне тоже не хотелось. А потому я решила, что героинями моего шоу будут женщины, реализовавшие себя в этой жизни, женщины, которые могут о себе сказать, что счастливы. И

вовсе не обязательно это будут звезды и звездочки – я хотела помочь раскрыться на экране самым обычным женщинам, тем, кто на первый взгляд ничем не выделяется из общей массы.

Правда, когда я принесла в "Прикосновение" список первых моих героинь, это вызвало небольшой шок.

– И это ты называешь обычными людьми? – возмущалась Тамара.

– И кого же ты называешь необычными? – смеялась Оксана.

Действительно, первой моей собеседницей была мать пятерых детей со внешностью фотомодели, которая вполне могла бы участвовать в конкурсе красоты вместе со своей старшей дочерью. Мара была не новичок на телевидении и не стеснялась камеры; она удобно раскинулась в кресле, покачивая стройными ногами в туфлях на высоченных каблуках. Юбка, обтягивавшая абсолютно плоский живот, была до пупка, но это не шокировало – шокировало совершенно другое: на подиуме сидела не производительница, не кормилица с необъятными грудями в старомодном платье – нет, Мара сияла сексуальным блеском и олицетворяла собою недостижимую мечту чуть ли не любого среднего мужчины; в гриме и со свежеложенными волосами она выглядела как голливудская кинозвезда – но вела разговор как образованная и неглупая женщина, хорошо поставленным голосом с великолепной дикцией. И при этом муж любил ее, детей они рожали потому, что они их обожали и им этого хотелось, и еще потому, что детки у них получались здоровые, очаровательные и талантливые. Особых финансовых проблем у них, судя по всему, не было – супруг, офицер в отставке, дюжий мужчина ростом под два метра, успешно занимался бизнесом. Когда мы снимали эту программу, мне иногда даже казалось, что я погружаюсь в какую-то иную реальность – такого в жизни не бывает, только в волшебной сказке!

– Обычно женщина бывает или умной, или красивой, но и то и другое одновременно встречается крайне редко. Мара – редкое исключение, – заявил мне после съемки оператор Олег, зачарованно глядя ей вслед. Надо сказать, что ее появление в телецентре произвело ошеломляющее впечатление на всю мужскую половину нашей съемочной группы, и я поняла, почему сопровождавший ее муж так и не ушел из студии до конца съемки, хотя постоянно с угрюмым видом поглядывал на часы. Но зато наши женщины были от Мары вовсе не в восторге, а Оксана даже вслух высказала свое крамольное мнение:

– Она вся какая-то придуманная, будто она придумала себя и играет эту роль!

Лена, как всегда застегнутая на все пуговицы, молчала с неодобрительным видом. – Даже Тамара усомнилась, достаточно ли искренне Мара выглядит на экране, и я ее понимала – правда всегда выглядит менее убедительно, чем ложь, а уж такая красивая, яркая правда – тем более. Возможно, что у красавицы были какие-то свои маленькие секреты, но я вовсе не собиралась вытаскивать их на публику. Я с самого начала взяла на себя роль доброжелательной ведущей, которая искренне симпатизирует собеседнице и не задает каверзных вопросов. От меня не ждут подвоха и меня не боятся – а потому со мной обычно говорят откровенно. Наверное, это умение расположить к себе собеседника, проявить к нему искренний интерес, в ответ на который он раскрывается, у меня осталось от другой моей профессии – я ведь некоторое время работала практикующим психологом. И еще – я этот интерес не разыгрываю; я действительно стараюсь обнаружить в человеке, который сидит напротив меня, что-то такое, что увлекает меня саму, найти к нему ключик.

Несмотря на все сомнения, ток-шоу с многодетной мамой – фотомodelью прошло на "ура", и это дало моей работе зеленый свет. Следующей моей героиней была многократная чемпионка Европы по пулевой стрельбе, которая после двадцати лет брака развелась с мужем и, будучи уже бабушкой, нашла в трамвае мужчину своей мечты. Стройная, очень женственная, она совершенно не соответствовала расхожим представлениям о спортсменке, да еще и чемпионке. Особенно она была хороша в ладно пошитом мундире с погонами капитана милиции – теперь она преподавала в школе МВД и по совместительству работала тренером. Соб-

ственно говоря, я настояла на том, чтобы ее сняли и в цивильном костюме тоже – мне не хотелось, чтобы она оказалась похожей на следователя из романа Марининой.

– Не понимаю, зачем она притащила сюда эту стрелчиху, – случайно услышала я слова Оксаны после съемки. – Да к тому же она еще и провинциалка, выговор у нее южный...

Она говорила с Леной, не заметив, что я только что вошла в комнату. Как быстро Оксана забыла, что она родилась отнюдь не в столице! И, наверное, Лена тоже привыкла себя считать урожденной, прирожденной москвичкой, потому что она согласилась с Оксаной, что мой выбор героинь оставляет желать лучшего. Поэтому я вовсе не удивилась, когда на следующий день Котова в присутствии угрюмо молчавшей Тамары устроила мне выволочку: у нас не региональное телевидение, мы выходим в эфир на центральном канале, а потому совершенно недопустимо, чтобы участники наших передач искажали родной, великий и могучий русский язык, да еще при этом ток-шоу вообще отдавало провинциальным душком! Я молчала, стиснув зубы, потому что некрасивая сцена с хлопаньем дверьми – это было именно то самое, чего добивалась наша гранд-дама. Но так как я знала совершенно точно, что Женя на съемке не присутствовала, а все отснятые материалы я на всякий случай носила с собой, то составить собственное мнение о моем ток-шоу она не могла, значит, говорила с чьих-то слов – и буквально Оксаниными словами. Но кто же донес?

Однако, несмотря на мелкие неприятности, которые мне эта передача доставила, и ее можно было считать удавшейся. Но уже после следующей съемки мне прилепили кличку "певица дам поздне-бальзаковского возраста", или, по выражению Олега, "климактерических баб". Моей героиней на этот раз была милейшая женщина-ветеринар, миниатюрная и тоненькая, которая лечила диких зверей и бесстрашно заходила к ним в клетки (мы это, естественно, показали – она в обнимку со слоном в зоопарке). При этом у нее было два высших образования, один муж, двое детей и к сорока пяти годам – двое внуков. Словом, насыщенная жизнь – насыщенная событиями со всех сторон. Она была так занята, что ее с трудом удалось уговорить сниматься – тем более, что она абсолютно не желала быть телезвездой.

Между прочим, придя на телевидение, я очень скоро обнаружила, что люди самодостаточные и добившиеся успеха в своей сфере деятельности, будь то семейные хлопоты или сложнейшая, требующая напряжения всех сил ума и тела работа, чаще всего вовсе не стремятся попасть на экран, в отличие от тех, кто ничего из себя не представляет. Кстати, я окончательно испортила отношения с Тайкой Никифоровой, отказавшись даже рассматривать предложенную ей кандидатуру на роль героини – это была учительница, завуч английской школы; мне было достаточно только посмотреть на ее фотографию – выражение собственной непогрешимости на слегка оплывшей квадратной физиономии, бараньи глаза навывкате – чтобы с содроганием произнести твердое "нет". Впоследствии выяснилось, что эта дама была мамашей парня, который ей в тот момент страшно нравился, и когда он ее бросил, наша Таис-уральская стала считать, что это я разрушила ее личную жизнь.

Но вернемся к ветеринару Марине, чье появление в студии было, несомненно, заслугой Оксаны – уж не к шантажу ли ей пришлось прибегнуть, чтобы заманить ее к нам? У Марины было одно достоинство, неоценимое на телевидении: она была живой; она мгновенно откликнулась на шутку, эмоции моментально отражались на ее подвижном лице, вовсе не соответствовавшей классическим канонам красоты, но казавшемся пикантным благодаря искрящимся глазам и лукаво изгибавшемуся рту. С каким юмором она рассказала историю своего неудавшегося похищения в Египте, куда она попала по долгу службы! Она имела несчастье нравиться местным арабам, чьи женщины, жертвы мужского шовинизма, как сказали бы феминистки, увядают очень рано, и которые никак не могли взять в толк, каким образом бабушка может выглядеть, как "едва раскрывшийся бутон". Несмотря на то, что Марина не носила вызывающую европейскую одежду (то есть шорты и мини-юбки), не обратить на нее внимания было невозможно, и один из спонсоров местного зоопарка решил непременно на ней жениться –

почему-то тот факт, что она уже была замужем в России, не произвел на него никакого впечатления. Каким-то образом у Марины пропал паспорт, ее не хотели выпускать из страны; назревал дипломатический конфликт, и только вмешательство высоких лиц из посольства, к которым обратились ее коллеги, спасло ее от гарема. Правда, проводили Марину через таможенную через какой-то черный ход, а в самолет она поднималась вместе с экипажем...

– Звук пропал, – на самом интересном месте констатировал звукорежиссер Виталик. – Повторите последний монолог.

Зато в моем наушнике его голос прогремел, как удар грома, и я поморщилась. Техника в нашей компании оставляла желать лучшего, это было старье, которое нам дали в аренду, но почему она всегда должна выходить из строя в самом интересном месте? Это уже похоже на диверсию, размышляла я, когда нам с грехом пополам удалось перезаписать рассказ героини о Египте – естественно, она уже потухла, и прежней живости не было и в помине.

Через несколько дней, когда уже была готова мастер-кассета, на меня набросилась Котова в присутствии всей съемочной группы:

– У вас что, патологическое пристрастие к молодым бабушкам и вообще женщинам в менопаузе? Вы думаете, нашим зрительницам это интересно?

Таких людей, как Женя, я бесила уже одним своим стилем выяснения отношений. Я никогда не кричу. Я даже на мужа почти не кричу, хотя, видит бог, он этого часто заслуживает. Я ответила очень спокойным тоном:

– Да. Им это интересно. Кто нас смотрит в дневное время? Мамы с маленькими детьми, домохозяйки, бабушки. Они должны идентифицировать себя с нашими положительными героинями. Но как они могут представить себя в шкуре, например, модной артистки родом из актерской династии, которая пошла по стопам отца и у которой все было predetermined заранее? Да еще и прическа у нее из недоступного им салона и брючный костюм от Ива Сен-Лорана. А, с другой стороны, от голливудской кинозвезды, какой-нибудь там Ким Бессинджер, нашу доморощенную диву отделяет целая пропасть.

Котова позеленела – мой удар попал точно в цель, недавно она пригласила в свою программу младшую сестру-актрису.

– А ветеринар, – продолжала я, – это свое, понятное, это как участковый врач из соседней поликлиники. Получает, может быть, и больше, но не на порядок, да и одета, хоть и со вкусом, но отнюдь не роскошно. В ветеринарный институт конкурс не то что на актерский факультет, ну а лечить коров или там львов – это уже был ее свободный выбор. А смотрится, тем не менее, она не хуже актрисы – хоть она и мама, и бабушка, и домработницы у нее нет! И на работе занята день-деньской. И не поет, все успевает...

– Речь не идет о данной конкретной женщине, а о том, что все ваши героини именно такого солидного возраста, а это скоро наскучит аудитории, – непререкаемым тоном прервала меня Котова. – Вам надо менять свой стиль, пока не поздно.

– Да помилуйте, о каком возрасте идет речь, Евгения Павловна? О бальзаковском? О том, когда женщина уже многого в жизни достигла, уже может сказать, удалась ее жизнь или нет, и при этом еще хорошо выглядит. Или – должна хорошо выглядеть. Потому что те умные и деловые женщины, которых вы, Евгения Павловна, так любите показывать в своих передачах, смотрятся по большей части ужасно. Во всяком случае, на экране телевизора. Они не умеют ни одеваться, ни ухаживать за собой. Они не женщины, они не знают, что такое секс – они вместо этого слова употребляют термин "гендер"*3)... – я перешла в наступление, с каждой фразой мой голос звучал все громче. На самом деле, все знали, почему в ток-шоу Котовой участницы обычно не блистали внешними данными – на их фоне ведущая смотрелась просто изумительно!

– Я, извините, не "Про это" делаю, так что причем здесь секс? – Котова старалась достойно держать удар, но это ей плохо удавалось. – Зато мои героини умеют себя подать –

и умеют себя вести, это сливки нашего общества. Они не будут скакать по пожарным лестницам, удирая от милиции. Или это тоже входит в ваше понимание счастья? На мой взгляд, это говорит об инфантилизме или дурном вкусе.

Это тоже был эпизод из жизни ветеринара – как-то раз на дешевом вещевом рынке, расположенном прямо в здании гостиницы, она попала в милицейскую облаву. Всех, у кого не было документов, и продавцов и покупателей, свозили в отделение милиции. У Марины паспорта с собой не было – кто ж его берет с собой, собираясь на базар? – и времени, чтобы бездарно проводить его в отделении, тоже не было, но она нашла выход из положения: спустилась с пятого этажа по обледеневшей и ходуном ходившей на ветру пожарной лестнице (дело, между прочим, было в декабре).

– Конечно, ваши дамы никогда не полезут по пожарной лестнице – для этого нужна великолепная физическая форма. И отвага, между прочим. И ни капли лишнего жира, – тут я обвела мою противницу оценивающим взглядом с головы до ног. Это было нехорошо с моей стороны: все знали, что Женя ежедневно и ежечасно борется со своим весом, но, увы, целлюлитные складочки выпирали на ее теле то там, то здесь, чаще всего на талии. – У моих героинь как раз все это есть. И они действительно достигли многого в жизни, а потому интересны публике. А чего добились ваши? Кроме статуса, конечно, – но никогда положение в обществе не заменяло личного счастья. А поздравление с Восьмым марта лично от президента – мужа в доме. Возьмем вашу последнюю героиню, Алевтину Курлатову, главного редактора журнала "Женский мир"! Я-то ведь знаю, как, впрочем, и все, кто связан с журналистикой, что муж от нее сбежал к ее же молодой репортерше – той самой, которая писала, что женщина прекрасно может обойтись без мужчины. И возраст как раз тот, на который вы жалуетесь...

– Я на возраст не жалуюсь! – в запале возопила Котова – и тут же осеклась.

Но было уже поздно. Сцены маленькой монтажной, в которой временно разместился наш небольшой коллектив, затряслись, зарезонировали в такт дружному хохоту – я попала в самую точку. Женя вступала как раз в тот самый возраст, который я бы определила как "поздний бальзаковский" – 45-50 лет, когда женщина еще может урвать от жизни приличный кусок при большом старании, но пора уже подводить первые итоги. Может быть, я использовала недозволенный прием – мне по крайней мере на лет на пятнадцать меньше, чем Котовой, и я ощущаю себя в полном расцвете сил. Как бы я себя чувствовала на ее месте, когда молодая соперница наступает тебе на пятки?

На этом разговор закончился, потому что Женя, всхлипнув и закатив глаза, вскочила и убежала – честно говоря, я ожидала, что истерика у нее начнется раньше. За нею вслед, вытерев глаза, на которые навернулись слезы от смеха, галопом понеслась Оксана – успокаивать; в отсутствие Синяковой, которая как раз в тот памятный день была у руководства, это входило в ее обязанности.

Но смеялись не все. Именно в тот день наш коллектив разделился на три неравные части: на тех, кто безоговорочно поддерживал меня против Котовой; на яростных сторонников Жени, которые готовы были меня сжить со света, и на болото. Болото, как всегда, было самым обширным.

Вечером, вспоминая эту сцену и пересказывая ее в лицах Марку, я спрашивала себя: а что если у Котовой действительно были серьезные проблемы, связанные с возрастом? На поверхности – полное благополучие: статус, карьера, деньги, любящая семья, поклонники. А что было внутри? Не был ли ее молодой муж слишком молод для нее? Впрочем, у него непоколебимое алиби. А, может быть, она, уже предчувствуя надвигающийся закат, чересчур увлеклась личной жизнью, так что кто-то из брошенных любовников разделался с ней из-за банальной ревности? Или, наоборот, мужчина, которому она надоела и который никак не мог от нее отделаться, избавился от нее таким способом?

V. Люди бывают страшнее диких кошек

Та Женина истерика закончилась бы для меня плохо, если бы на моей стороне не оказались Его Величество Рейтинг и Тамара Синякова. Но они были на моей чаше весов, поэтому я продолжала делать свои ток-шоу – правда, возрастные рамки их участниц я раздвинула, но, честно говоря, я собиралась это сделать и до нашего столкновения.

А теперь, после смерти Котовой, работы стало выше крыши. Еще одной "самой обычной" моей героине, укротительнице гепардов, к которой мы собирались поехать сегодня, до критического возраста было еще далеко, она была молода – относительно, конечно, потому что в ее жизни было уже два брака и два развода. Она так и не оправилась еще от гриппа, и я решила не ждать, пока она выздоровеет, а отснять материал у нее дома. Конечно, качество будет не то, но время не ждет, к тому же время студийное очень дорого. Был, правда, еще один фактор, который окончательно определил мой выбор: она воспитывала у себя юного гепарденка, который уже почти совсем вырос. Показать его в передаче мне очень хотелось, но когда я представила себе в стенах телецентра молодого гепарда, меня одолели сомнения: если Глаша просто нашла готовый труп, то не сотворит ли эта большая кошка труп из живого человека своими лапами? И я решила – если уж рисковать, то только собой – ну, и еще двумя членами съемочной группы.

Так мы с Мэтром и осветителем Виктором Алексеичем попали в большую коммунальную квартиру в самом центре Москвы, возле Пушкинского театра на Тверском бульваре – как ни странно, чистую, но пропитанную густым звериным запахом. Укротительница оказалась очень симпатичной, гораздо лучше, чем на фотографии, но с голосом у нее творилось что-то ужасное, и ей приходилось постоянно пить горячее молоко, из-за чего съемку приходилось поминутно прерывать. Пятнистый котенок ростом с половину тигра, надо отдать ему должное, вел себя более чем дружелюбно, чего нельзя было сказать о моих спутниках.

Георгий Павлович был и остается прекрасным оператором, наверное, самым профессиональным из всех, кого я знала. Но, увы, он считал, что лучше меня знает, что я должна делать, и при малейшей возможности долго и нудно мне это объяснял. Не понимаю, почему он не стал режиссером или преподавателем ВГИКа, он явно считал себя выдающимся педагогом, и страдала от этого я – его советы выбивали меня из колеи, ведь для меня самое главное – это настроиться на волну собеседника, а он не давал мне сосредоточиться. Мэтру было лет пятьдесят с гаком, он был невысок ростом, но строен и подтянут, и его интересное, кавказского типа, лицо портило только брюзгливое выражение, застывшее на губах. Войдя в квартиру укротительницы, он потянул в себя воздух носом, сморщился – и дальше молчал с такой презрительной миной, что смущенная хозяйка пояснила:

– Это не от Кеши так пахнет, он у меня чистюля... Просто подруга временно оставила у меня своих хорьков, а они такие ароматные!

Ароматные хорьки оказались милейшими зверьками, хоть и вонючими, но ни оператор, ни осветитель их не оценили. Впрочем, Виктор Алексеевич, хоть ему вряд ли стукнуло больше сорока пяти, все время брюзжал, как старик, да и лицо у него было какое-то благообразно-старообразное. Я никак не могла понять, зачем мы его взяли с собой, но потом поняла: он нам нужен был в качестве грузчика, чтобы тащить аппаратуру. Как только мы вошли в квартиру, он пожаловался на аллергию, потом потребовал сигареты, за которыми гостеприимная хозяйка сбегала к соседям по лестничной клетке – ее ближайшая соседка, судя по всему, тут не жила, и я вполне ее понимала. Получив пачку "Парламента", наш капризный осветитель заявил, что это плохие сигареты и он такие не курит, и тут же закурил. Пока мы с Мэтром готовили фон для съемки и устанавливали аппаратуру и свет, пока в течение почти двух часов мы снимали и кое-что переснимали – все это время Виктор Алексеевич просидел на кухне, покуривая, попивая кофе и приговаривая при этом, что кофе растворимый, ненастоящий, и он такой не пьет.

Наконец, когда мы все закончили и пришли на кухню, чтобы расслабиться, он благородно предложил нам поделиться тем кофе, что оставался еще в банке – а осталось его там совсем немного. Совершенно измотанная, я почти упала на табуретку; по идее, с меня должен был бы градом катиться пот, но за последний час мы трижды прерывали съемку, чтобы попудриться, так что вся лишняя жидкость из меня уже испарилась. Эта съемка далась мне очень нелегко. Против ожиданий, укротительница оказалась скромной и мягкой, командные нотки в ее голосе были совсем незаметны; из-за того, что она стеснялась, разговаривать с ней было непросто. Как выяснилось через час после начала съемки, ее очень смущало, что Георгий Павлович усадил нас напротив того места на стене, о котором ее беспокойный воспитанник точил когти, и обрывки обоев должны были попасть в кадр.

– Понимаете, я сама простуженная, выгляжу не лучшим образом, а тут еще дом разоренный...

Когда мы пересели, она почувствовала себя гораздо лучше и заулыбалась, но зато я уже успела устать, тем более что Мэтр не давал мне забывать о том, что я делаю ошибку за ошибкой. Как мне не повезло, мрачно размышляла я, поглощая кофе, как заклятая наркоманка, – надо же было Тамаре послать со мной именно этих двоих, единственных на телевидении, кого я называю не просто по имени, а не по имени-отчеству! Они вдрызг испортили мне сегодняшний день своими советами и брюзжанием!

– Уберите от меня этого людоеда! – вдруг возопил Виктор Алексеевич, вскакивая.

Оказывается, котенок по имени Кеша вслед за хозяйкой пришел на кухню и решил, мурлыча, потереться о колени осветителя. Пока укротительница отводила его в комнату, Виктор Алексеевич, брезгливо отряхивая брюки, сказал, обращаясь к оператору:

– Да что же за наказание нам такое, Жора! В следующий раз, если Она заставит нас входить в клетку с тиграми, я этого делать не буду. Пусть берет молодых.

Она – это, очевидно, была я; хоть мое существование и игнорировали, я все же не сдержалась:

– Интересно, кто вас может заставить сделать хоть что-нибудь, а, Виктор Алексеевич? Я бы уговорила Синякову дать этому уникаму премию. Ну а насчет молодых – я приму этот совет к сведению. Я сегодня выслушала много советов, но это самый ценный.

И тут Мэтр как-то странно взглянул на меня, а физиономия осветителя расплылась в ехидной улыбке:

– Ну, насчет молодых – ты не обольщайся, Агнессочка...

– Меня, между прочим, зовут Агнесса Владимировна – для вас, – терпеть не могу фамильярности, а на телевидении это входит в стиль жизни.

– Хорошо, Агнесса Владимировна. Ведь сегодня с тобой... то есть с вами должен был поехать не Жора, а Олег – а знаете, почему он отказался?

Я не знала. Я была не в курсе ни того, ни другого, я думала, что Синякова просто так распорядилась. Но вскоре должна была узнать – Виктор Алексеевич, очевидно, относился к той породе сплетников, которых никакая сила не заставит проглотить язык. Впрочем, приятель попытался его заткнуть:

– Витя, не стоит об этом... Раз в жизни мог бы промолчать, как мужик.

Но Витя не обратил внимания на его слова, он продолжал, сладострастно облизывая губы – видимо, наблюдение за людьми, которых он ставил в неудобное положение, доставляло ему не меньшее наслаждение, чем секс нормальным, нетелевизионным людям:

– А Олег сказал Синяковой – не поеду с ней, и все. Такое впечатление, что Женя погибла специально для того, чтобы эта выскочка заняла ее место. А может, она поэтому и погибла?

Это был удар под дых. Еще никто, даже следователь с Петровки, не посмел меня напрямик обвинить в смерти Котовой. А мой мучитель продолжал:

– Вот так он и сказал, это его точные слова, я свидетель. Я при этом был.

Я всегда считала, что Варзин ко мне неплохо относится – во всяком случае, никаких подлостей он мне не делал. Он мне откровенно нравился, и не только внешне; с ним было интересно поговорить, к тому же он несколько раз давал мне весьма дельные советы – только когда его просили об этом. Если я замужем, это еще вовсе не значит, что я не имею права глядеть на других мужчин, как думает Марк. Олег был одним из тех немногих, кто помогал мне на первых порах и благодаря кому я смогла вжиться в телевизионный мир... И над Котовой, попавшей впросак с "бальзаковским возрастом", он смеялся чуть ли не громче всех – с чувством юмора у него все было в порядке. И вот теперь он, ничтоже сумняшеся, обвиняет меня в преступлении!

Наверное, вид у меня был жуткий, потому что Мэтр надо мной смилостивился:

– Не обращайтесь внимания на слова Виктора, Агнесса. Олег сейчас не в себе. Он слишком переживает. Ведь Котова была ему не чужой... – и тут он нерешительно остановился, как человек, который, не желая того, сболтнул лишнее.

Но осветителю деликатность была чужда, и он продолжил мысль товарища:

– Конечно, он ведь был ее любовником!

Час от часу не легче! Но Мэтр уже бросил злое "цыц", и Виктор Алексеевич с многозначительным видом замолчал – в данном случае молчание было красноречивее слов.

Больше мне ничего выяснить не удалось, потому что как раз в этот момент на кухню ворвались хорьки, стремительные, как живая ртуть. Казалось, их великое множество, хотя в клетке я их насчитала только пять. Двое из них – один белый, другой коричневый с желтой полоской на мордочке – не нашли ничего более интересного, чем ноги Виктора Алексеича, и через мгновение один зверек был уже у него на коленях, а другой по рукаву взбирался на плечо. Глядя на физиономию осветителя, на его выпученные глаза и раскрытый в отчаянном крике рот, я почувствовала себя отомщенной.

Как я смогу работать, если мои коллеги подозревают меня в убийстве? В этот день и час я поклялась себе, что во что бы то ни стало отыщу убийцу – сама, если профессиональные сыщики опростоволосятся.

V1. Кому выгодна смерть теледивы?

Мы с Сергеем встречали Марка в аэропорту Шереметьево-2. Прошла ровно неделя с того дня, как была убита Котова; снова была суббота, вечер. Самолет из Копенгагена (из Гетеборга прямых рейсов в Москву не было) задерживался, и наконец мы с Крутиковым-старшим могли спокойно поговорить, устроившись за столиком в пустующем зале ресторана. Я передала ему листочки с записями и высказывала вслух свои соображения, а он изредка прерывал меня, каждый раз по делу.

Сначала мы сопоставили свои списки: тех, кто физически имел возможность избавиться от Котовой, то есть мог оказаться в ту роковую субботу с 18.45 до 19.15 (именно в это время, по заключению судебных медиков, она была задушена) в здании телецентра и не имел алиби, и тех, кому выгодна была ее смерть. Собственно говоря, мне можно было и не беспокоиться: наши списки практически совпадали. Я почти обиделась: он провел меня, как девочку, дав липовое задание, лишь бы я ему не мешала! Обидеться всерьез мне помешал его притворно-покаянный вид и не слишком тонкая лесть, с которыми он признался в обмане:

– Как видишь, я тоже не сидел сложа руки. Честно говоря, мне не так нужны списки, как твое мнение обо всех этих людях. В твоей наблюдательности я не сомневаюсь, так же как и в том, что ты прекрасно понимаешь скрытые мотивы человеческого поведения. Ты уже не раз это доказывала.

Как выяснилось, у Сергея была долгая беседа с Синяковой, которая сказала ему, что у нее сейчас нет денег оплатить услуги его фирмы, но, возможно, они появятся чуть позже. Она умоляла его найти убийцу "чуть ли не со слезами на глазах" – так он выразился.

– Ты знаешь, она так себя вела, что мне показалось даже, что она переигрывает, – поделился Сергей со мной своими соображениями. – Если бы я не знал, что "Прикосновение" после смерти Котовой оказалось на грани банкротства, я бы усомнился в ее искренности.

– Сережа, ты мало имел дело с телевизионными людьми. На первый взгляд кажется, что они излишне демонстративны, но это у них просто такой стиль общения. Я не сомневаюсь в искренности Тамары, но ее отношения с покойницей не были столь уж гладкими. Насколько я понимаю, у них были разногласия по поводу денег. По агентурным сведениям, Женя хапала чересчур много. Во всяком случае, по словам Валентины Черниковой, накануне ее ухода из "Прикосновения" она потребовала от Синяковой задержанный гонорар, на что та ей ответила, что никак не может выцарапать из Котовой деньги и что не в первый раз уже Котова присваивает бабки, полученные от спонсоров, которых привела она сама, считая, очевидно, их своими личными деньгами...

– Но, в любом случае, Синякова потеряла от смерти Котовой больше, чем выиграла, разве не так?

– Не уверена. Дело в том, что Женя на всех нас действовала одинаково: она требовала, чтобы все работали только на нее, любимую, и не давала нам развернуться. Теперь, когда ее нет, Синякова тоже свободна – свободна попробовать что-то новенькое, с новыми ведущими. Она человек творческий, ищущий, а Котова не давала ей осуществлять свои планы. Но я бы не включала Тамару в список подозреваемых: я не могу себе представить ее в роли убийцы, она психологически не тот тип, к тому же я видела ее с Тайкой, когда выходила из комнаты отдыха. А потом, когда я прибежала из буфета, ровно в семь... ну, в пять минут восьмого... вся съемочная группа была уже на месте, в студии.

– Хорошо, – с нахмуренным лбом он записал что-то в своем блокноте. – Давай продолжим. Кстати, насчет Таисии. Как я понял, она близкая родственница Синяковой. Как ты думаешь, не может ли продюсер ее покрывать?

И мы продолжали. Мы обсудили каждую кандидатуру на роль убийцы – и с точки зрения возможности, и с точки зрения мотива. Как выяснилось, из членов съемочной группы стопроцентное алиби было только у четверых, тех, кто оставался в студии все время между вечерними съемками: обоих операторов, осветителя и звукорежиссера. Все остальные в перерыве входили и выходили, бегали в туалеты и буфеты, сновали по коридорам, то и дело натываясь друг на друга, но никто не был на виду весь этот период. Настена тоже была вне подозрений: гример Миша, приведя ее в порядок, без четверти семь привел ее в студию и ушел домой (его рабочий день кончался в шесть), и все остальное время до начала съемки она то кокетничала с нашими мальчиками, то развлекалась тем, что выводила из себя Тамару, задавая ей глупейшие вопросы. Они, кстати, вместе выходили на пару минут в туалет. Зато ее агент Гарик из студии отлучался, и притом в одиночестве – по его словам, ходил в буфет на первом этаже (а не на цокольном, как я), однако, как и в случае со мной, никто его там не запомнил.

– Причем тут Гарик? – удивилась я. – Я не слышала, чтобы он раньше вел какие-то дела с Котовой.

– Шоу-бизнес есть шоу-бизнес, – серьезно отвечал мой визави. – Надо проверить. Продюсер поп-певицы – и чтобы он не был связан с преступным миром? В нашей стране это практически невозможно, иначе его тут же сожрут с потрохами.

Не одни мы работали в тот выходной день на телецентре, и Сергей показал мне списки тех, кто находился тогда в здании – очевидно, добытые по его каналам на Петровке. Так как все, кто имел постоянные пропуска, входил в корпус беспрепятственно в любое время, и имя его нигде не отмечалось, то эти списки по определению не могли быть полными. Кроме нескольких монтажеров, режиссеров и редакторов, сидевших в монтажных на разных этажах и готовивших свои программы к эфиру, параллельно с нами работали в студиях еще пять съемочных групп.

– Узнаешь кого-нибудь?

Я не так давно работаю на телевидении, чтобы знать тут многих, но тем не менее две фамилии показались мне знакомыми – вернее, одна:

– Сидоркина А.Я.; Сидоркин В.Е.... Слушай, это те самые Сидоркины, Анна и Вилен, которые ушли из "Прикосновения" с громким скандалом примерно через месяц после моего появления в компании. Анна работала редактором, а ее муж числился администратором и заодно добывал деньги. Кстати, с тех пор, как их выгнали, у нас нет администратора.

– Так из-за чего же был скандал?

– Анна Сидоркина сделала программу, точь-в-точь скопированную с ток-шоу Котовой "Надежда", на одном из дециметровых каналов и собирались продать этот проект на НТВ. Кстати, авторами "Надежды" были сама Синякова и Валентина Черникова, хотя официально в титрах стояли имена Синяковой и Котовой. Котова грозилась подать на Сидоркиных в суд из-за нарушения ее авторских прав, но подала или нет – не знаю.

– Это все надо проверить, – и Сергей опять поставил какой-то значок у себя в блокноте. – А что по этому поводу предприняла Синякова?

– А ничего. Она поплакала, покричала, потрясла кулаками – и успокоилась. Зато Котова кое-что сделала – после ее вмешательства на НТВ Сидоркины стали персонами нон грата.

– Значит, надо проверить, где были эти самые Сидоркины, начиная с 18.45.

– Только учти, что они здесь отмечены, потому что для них заказывали спецпропуск в студию прямого эфира. Это в соседнем здании, со строгой охраной; ни войти туда, ни оттуда выйти без ведома охранника там нельзя. Оно соединяется с главным зданием подземным переходом, но там тоже повсюду стоит милиция. Не думаю, что они смогли бы проникнуть тем вечером в основное здание так, чтобы об этом никто не знал – если они выходили оттуда, то об этом должна быть сделана отметка в спецпропуске.

Я еще раз просмотрела списки. Огромное здание, и даже по выходным там бывает много народа, больше, чем может показаться на первый взгляд – люди рассеиваются по студиям, по монтажным. Кроме тех, кто пришел сюда по индивидуальным пропускам, был еще коллективный список зрителей и участников сексуального ток-шоу "Про это", которое одновременно с нами снимали на втором этаже. Массовка, опять ничего мне не говорящие имена. Вдохнув и посмотрев на часы, я отдала бумаги обратно Сергею и обратилась к нему с вызовом в голосе:

– Мне кажется, Сережа, мы с тобой кое-что упустили. Почему мы рассматриваем только, кому была выгодна смерть Котовой, совершенно игнорируя возможность того, что это могло быть преступление на почве страсти. Например, я только вчера выяснила, что наш оператор Олег был ее любовником. Конечно, у него стопроцентное алиби, но мне кое-что непонятно...

– Агнесса, не увлекайся романтикой. Очень часто так называемые преступления на почве страсти оказываются на самом деле преступлениями корыстными. Например, совсем недавно был такой случай: мужчина убил бывшую любовницу, но вовсе не из ревности, а потому, что она пообещала испортить ему карьеру и вообще вышвырнуть на улицу при помощи своего близкого родственника, очень влиятельного человека. Когда убийцу прижали к стенке, он заявил, что сделал это в аффекте, но на самом деле он все спланировал заранее. Какая уж тут страсть? Кстати, не только у любовника Котовой, но и у ее мужа имеется алиби, так что чувства в данном случае, очевидно, неактуальны. И поверь мне, я нутром чувую, что это убийство – предумышленное и хорошо просчитанное. В аффекте убивают не так.

– Убийца, что же, заранее предусмотрел, что на Жене будет костюм с поясом?

– Нет, просто воспользовался подсобным средством. Наверняка у него было наготове другое орудие убийства. И все-таки поверь мне на слово, здесь нет признаков преступления, совершенного в порыве страсти.

– Ты, наверное, прав, но все-таки мне кое-что непонятно. Я про Олега Варзина говорю. Если он был ее любовником, то почему я этого не почувствовала? Я проработала с ним бок-о-бок почти год, я много раз наблюдала его в одном помещении с Женей – но ничего не ощутила.

Никаких флюидов, понимаешь? А как он хохотал, когда она выдала свой ужас перед наступлением старости – так никогда не будут смеяться над любимым человеком. Я вчера вечером прижала к стенке Тамару Синякову, и она призналась: да, она что-то такое слышала об отношениях Котовой и Варзина, но это было вроде бы не слишком серьезно – так, трах-перетрах, по ее выражению. Но если они давно расстались и она ему была столь безразлична, то почему он вылил на меня столько гнева и желчи по поводу ее загубленной жизни? – и я рассказала Крутикову то, что выдал мне осветитель.

– Нюансы, Агнесса, нюансы... Это твое дело – в них разбираться, так что помозгуй на досуге, что произошло с вашим оператором. А теперь давай перейдем к фактам. Итак, кому была выгодна смерть Котовой?

– Ну, в первую очередь, наверное, мне. Редактору Лене Горячевой – она работала на Котову, как рабыня, а та даже нигде не упоминала ее фамилию; я думаю, со мною ей сотрудничать намного интереснее – и выгоднее. К тому же после смерти нашей основной ведущей у нее появилась возможность самой появиться на телеэкране – пусть маленькая, пусть теоретическая, но возможность. Как, впрочем, и у Оксаны Верховцевой. Кстати, Оксана ходит очень задумчивая, что для нее совершенно необычно. Впрочем, может, сам факт смерти на нее так подействовал, это бывает с теми, кто впервые с ней, костлявой, сталкивается. Режиссеру Толь Толичу смерть Котовой в принципе тоже выгодна – у него были постоянные конфликты с Женей на творческой почве, и он уже собирался уходить. Теперь он может остаться в телекомпании, и никто ему не будет диктовать, что надо делать.

– Попасть на телеэкран, в титры, освободиться от творческого гнета – не слишком ли это мелкие поводы для убийства?

– Ты не знаешь телевизионный народец, да они за минуту на экране глотку друг другу перегрызут... Но это фигурально говоря, а буквально – ты, конечно, прав. Но учти, что и у Лены, и у Оксаны была возможность убить Котову – они во время убийства были в здании, но никто не знает, где. Тем более что Оксана соврала – она не сидела все время в гардеробной с Глашей, как она утверждает. Я не видела их, когда спускалась в буфет...

– И ты скрыла от меня эту информацию?

Брат моего мужа меня любит (по-родственному, конечно). И понимает. Но у него с Марком есть одна общая черта – почему-то я обладаю свойством приводить их в бешенство. Вот и сейчас Сергей, судя по тому, как побелели костяшки пальцев, которыми он вцепился в край стола, как дрожал его голос, готов был меня убить. Я с тоской подумала – когда надо, самолеты никогда не прилетают вовремя.

– Понимаешь, Сережа, мне неприятно выглядеть стукачкой, даже в собственных глазах. К тому мне хотелось бы самой ее разговорить. В конце концов, я такая же подозреваемая, как и Оксана, и почему моим словам относительно нее должны поверить, если их никто не может подтвердить?

– Если Оксана убийца, то в этом случае следующей ее жертвой будешь ты! Не смей заводить с ней разговор на эту тему!

– Я не наивная дурочка и не собираюсь загонять ее в угол. Я просто надеюсь, что мне удастся заставить ее проговориться. И к тому же я не верю, что Оксана убийца. Конечно, она не стесняется в средствах, чтобы пробить себе дорогу, но она не пойдет на убийство – причем вовсе не из-за моральных тормозов, а потому, что преступление может раскрыться и тогда она сядет в тюрьму, а это вовсе не входит в ее планы. Ее кредо – наслаждаться жизнью, и по возможности на халяву! К тому же она привыкла загребать жар чужими руками, а убивать самой – это слишком серьезное дело, чересчур большой расход энергии.

– А кого ты тогда видишь в роли убийцы?

– Как ни странно, тех, у кого нет ни малейших поводов для убийства именно Котовой. Например, Светлану, монтажера, злобную и неудовлетворенную бабу. Но беда в том, что у нее

нет ни малейшего повода убивать именно Котову, она с ней не конфликтовала – в отличие ото всех остальных. Насколько я знаю – я специально выясняла – Светлана благодаря Котовой получала две зарплаты, и от "Прикосновения", и от заказчика, телеканала "1+1", единственная из наших сотрудников, между прочим... Так кто же режет курицу, несущую золотые яйца? Или взять Таю, племянницу Синяковой. По-моему, у этой девицы нет никаких моральных устоев. И еще я несколько раз замечала, что у нее странно блестят глаза. Уверена, что она сидит на колесах, а наркоман, как ты знаешь, на все способен. Но Тайке смерть Котовой абсолютно невыгодна. Все сотрудники "Прикосновения" прекрасно понимают, что в случае ее внезапной смерти у компании очень много шансов обанкротиться. Но если бы Тамара Синякова осталась без фирмы, Тайка осталась бы вообще безо всего.

– Да, мотива у нее нет... Так кто же следующий?

– Степан Кочетков, наш второй режиссер. Это очень странная личность; иногда мне кажется, что он даже не психопат, а нечто большее, классический сумасшедший. По-моему, из такого материала делаются маньяки, серийные убийцы. Меня он однажды поразил, когда я ходила на съемки ток-шоу "Про это" – это было в период моего ученичества. Представляешь, какая там в студии сидит публика – все больше сексуально неудовлетворенная и с придурью. Если у человека с этим делом все в порядке, то зачем ему об этом говорить? Так вот, во время передачи о бисексуалах Степан вдруг взял слово и рассказал – во всех подробностях – о своем юношеском опыте "как у спартанцев". И закончил тем, что женщины ему все-таки нравятся больше.

– Н-да... – протянул Сергей. – Ну и типы у вас тут, на телевидении. Не удивлюсь, если Марк, как только сойдет с трапа, потребует от тебя, чтобы ты оттуда ушла.

– Это называется душевный эксгибиционизм, – рассеянно уточнила я и посмотрела на часы: я не видела мужа три недели и еще пять часов... сколько мне еще осталось ждать? – Так вот, Степан, на мой взгляд, может убить. Но парадокс заключается в том, что убить он должен был бы меня, в его глазах злодейку, потому что Женю он не то что готов был носить на руках – он мог целовать ее следы на грязном полу.

– И что же, это была любовь без взаимности?

– По-моему, Степану достаточно было обожать ее платонически. Этаким синдромом Желткова...

– Не ругайся, Агнесса, переведи на человеческий язык...

– Вспомни классику, которую мы проходили в школе. У Куприна есть повесть "Гранатовый браслет", герой которой мелкий почтовый чиновник Желтков обожает издали прекрасную княгиню Веру – и ему ничего от нее не надо, это чисто платоническое чувство. Бесплотное – и, с точки зрения психиатрии, патологическое. Потому что нормально – это когда мужчины и женщины из плоти и крови любят друг друга не только душевно, но и телесно. Но гений Куприна возвел эту патологию до степени высочайшей одухотворенности, доступной человеку – и совершенно зря, по-моему.

– Если отвлекусь от высокой литературы, то из твоих слов я могу сделать вывод, что ваш второй режиссер ненормально, то есть душой, а не телом, любил покойницу?

– Примерно.

– Ну так бы и сказала сразу. Но разве такая любовь не может перейти в лютую ненависть?

– Может. Если объект любви вдруг окажется недостойн своего обожателя, разочарует его. Например, заведет любовника... – чем больше я думала об этом, тем более подозрительным мне казалось поведение нашего второго режиссера. – Послушай, Сережа, давай рассмотрим гипотетический вариант: Степан обожает нашу теледиву, это его недостижимый, как богиня с Олимпа, идеал. Он понимает, что она на десять ступеней выше его, он всего лишь червь у ее ног. И вдруг он обнаруживает, что это вовсе даже не богиня, не непорочная Диана, а очень

даже земная женщина: она спит с оператором! Она просто шлюха! И тогда он ее убивает... Что скажешь?

– Что ты насмотрелась фильмов про маньяков-убийц. Впрочем, в твоих рассуждениях есть рациональное зерно. Будем иметь это в виду.

Сергей смотрел мне в глаза своим ясным, зеленовато-серым взором, но при этом даже не притронулся к ручке. Чувствовалось, что он считает все мои предположения полным вздором. Ну что ж, запомним. Вот погоди, если я окажусь права!

– Психи, конечно, убивают, – продолжал он, – убивают из-за каких-то своих, непонятных нам, душевно простым людям, убеждений. Но чаще убивают совершенно нормальные – и из-за денег. Прости меня, Агнесса, но я не верю, что во всем этом не замешаны деньги. Поэтому в ближайшее время сотрудники "Ксанта" займутся проверкой всех денежных взаимоотношений "Прикосновения", телеканала "1+1" и Котовой. Мы выясним, кто вкладывал деньги в шоу Котовой и зачем, найдем всех инвесторов, тайных и явных. И обязательно отыщем таинственного спонсора Котовой. Когда я об этом договаривался с Синяковой – о том, что она раскроет мне всю бухгалтерию, причем отнюдь не ту, что предназначена для налоговой инспекции – то она сначала чуть не упала в обморок, но потом согласилась. Мне пришлось намекнуть, что иначе этим займутся с нашей подачи люди с Петровки, и они не будут так деликатны, как мы. Видно, ей есть что скрывать.

Я расхохоталась – я не могла себе представить, что Тамара, полнокровная и подвижная, как десять тонюсеньких девушек в три раза моложе ее, может упасть в обморок. Когда она после шестнадцатичасового съемочного дня говорила, что у нее болит голова, ей не хотелось верить – казалось, она может работать еще столько же. Тамара в моем представлении похожа на тучный сгусток космической энергии, однако в таком случае бухгалтерия – это тот метеорит, который все может разнести все в пыль и прах!

– Будете проверять ее книги – выясните заодно, где мой гонорар за февраль, – произнесла я вслух.

– И вот еще что, – наморщил лоб Сергей. – У нас сложности с ее семейством... То есть не с Тамариным, конечно, а с Котовыми. Кстати, они объявили о награде: тот, кто найдет ее убийцу, получит три тысячи долларов. Не слишком много, надо сказать... Так вот, никто из Котовых не желает с нами говорить. Они ведут себя так, как будто убеждены, что это ты убила их возлюбленную Женечку.

Я только вздохнула. В одном из интервью знаменитый режиссер и безутешный отец намекнул, что его дочь погубили бездарные коллеги, люто завидовавшие ее таланту. "Снова повторилась история Моцарта и Сальери" – таковы были его точные слова.

– На самом деле Котовы, очевидно, так о тебе от нее слышаны, – продолжал Сергей, – что любой твой родственник для них – исчадие ада, с рогами, хвостиком и копытами. Это затрудняет дело, приходится...

Но я его уже не слушала – диктор объявил, что только что совершил посадку рейс из Копенгагена. Наконец-то! Теперь еще таможня, паспортный контроль... минут двадцать – и я увижу Марка!

Это кому-то может показаться смешным – после стольких лет брака радоваться возвращению мужа из трехнедельной командировки, но у меня действительно зачастило сердце. Можете надо мной смеяться, можете мне завидовать – но я была счастлива в тот момент, когда он наконец показался из-за загородки и, бросив сумку на пол, а кейс – прямо в руки брату, схватил меня в объятия.

– Ты завтра же подашь заявление об уходе! – было первое, что он мне сказал, даже не успев еще поцеловать.

– Хорошо, хорошо, – ответила я задыхающимся голосом уже после поцелуя.

Завтра будет воскресенье, никто не работает, ну а в понедельник... В понедельник мы еще посмотрим. .

VII. Марк в студии и испорченная мастер-кассета

Конечно же, никуда я с телевидения не ушла. Марк побушевал-побушевал – и успокоился, как я и предполагала. Я клятвенно пообещала ему свято соблюдать все предписанные им меры безопасности, не ходить одной по коридорам телецентра, даже в туалет, не оставаться в одиночестве в гардеробной и комнате отдыха и т.д. и т.п. Большинство этих мер было, конечно, совершенно бессмысленно – как и его предложение приставить ко мне охранника из "Ксанта". Однако он беспокоился обо мне, как это и пристало любящему мужу, и одно это уже было приятно. Более того, во вторник он даже взял на работе отгул (а скорее, просто договорился с Сергеем, что самолично разведает обстановку), чтобы сопровождать меня повсюду в мой съемочный день, что вызвало в нашей телекомпании ажиотаж. Честно говоря, я надеялась, что волны зависти, которое подняло само его появление в студии, всколыхнут застойное болото, и я почерпну из них кое-какую полезную информацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.